

Игорь Озеров

ИЗ НИОТКУДА
В НИКУДА

Часть 1

18+

Игорь Озеров

Из ниоткуда в никуда. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64044282

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга «Из ниоткуда в никуда» – это детективный сборник из нескольких частей. Время действия – восьмидесятые годы. Место действия – СССР. Кроме острого детективного сюжета, в рассказах много интересных деталей, характеризующих жизнь в стране в последние годы существования Советского Союза. Это истории об обычных заботах советских людей, об их мечтах, об их любви. Как получилось, что страна, казавшаяся незыблемой, рассыпалась словно картонный домик...Первая часть о событиях, которые произошли в подмосковном дачном поселке через неделю после закрытия московской Олимпиады-80. В собственном доме находят убитой молодую женщину, жену известного художника.

Игорь Озеров

Из ниоткуда в никуда. Часть 1

Глава 1

В конце августа, после недели почти непрерывных нудных дождей, вдруг пришла уже совсем неожиданная в этом году жара.

«Уехать бы сейчас за город, на озеро с песчаным пляжем, чтобы попытаться за пару часов хоть как-то компенсировать очередное упущенное лето, проведенное в душном пыльном кабинете, – подумал Максим, глядя в окно. – Совсем недавно жарили шашлыки на майские праздники, а уже через неделю осень, – вспомнил он, завистливо глядя в окно на пацанов, играющих в футбол во дворе соседней пятиэтажки. – Казалось, только что закончил институт, а неделю назад уже перевалило за тридцатник. Так можно всю жизнь прождать непонятно чего... В одну реку два раза не войдешь. Да и у неё уже давно своя жизнь...»

Задребезжавший на столе телефон отвлек его от грустных мыслей.

– Да... Зайду через две минуты, – коротко ответил на звонок Максим, взял со стола пару папок-скоросшивателей, записную книжку и пошел к начальнику.

Андрей Алексеевич Князьков, прокурор района, смотрел в своем кабинете новости по телевизору. На экране опять улетал в вечернее небо добродушный Мишка – символ закончившийся недавно московской Олимпиады.

– Стоило чуть-чуть зачистить Москву и Подмосковье от всякой швали, и преступность упала на тридцать пять процентов, а по тяжким – почти в два раза, – бодро сказал он Максиму вместо приветствия, – Давно бы так. А то скоро детей на улицу погулять будет страшно одних выпустить.

– Если у нас убавилось, значит, где-то прибавилось. А точнее, там, куда их выслали: за сто первым километром, – ответил Максим, пожимая протянутую руку.

– Эх, вечно ты... Значит надо высылать еще дальше. В Сибирь, снег в тайге убирать. Люди не меняются и не перевоспитываются. В этом и ошибка нашей системы наказания. За грабеж дают пять лет. Потом вполчину сокращают в надежде, что человек исправился. Через год преступник опять в тюрьме, но уже по более тяжелой статье. Надо как в США: по три пожизненных или электрический стул. Говорят, что у нас хотят вообще высшую меру отменить... С таким подходом можно окончательно народ испортить. Народ же как дитя малое. Без ремня не воспитаешь. Чуть отвернешься и он готов за любым сказочником пойти.

Андрей Алексеевич был прокурором пять лет и уже по-

нимал, что выше по карьерной лестнице ему не забраться.

«Пузо я слишком большое отрастил. Теперь кланяться трудно, а без этого навыка в Москву меня не возьмут», – говорил он приятелям после пары рюмок водки.

Но он лукавил. Излишняя полнота не мешала ему быть при необходимости очень шустрым и подвижным. Дело в том, что он сам не хотел никуда уходить. Ему нравилась его работа. Здесь он чувствовал себя на своем месте. С накопленными за годы работы связями он мог бы легко перебраться куда-нибудь повыше, но догадываясь, что в стране грядут большие перемены, решил, что здесь, в родном и хорошо знакомом подмосковном городке будет немного проще их пережить.

– Андрей Алексеевич, дело по пропавшим девочкам надо возбуждать. Я переговорил со всеми в общежитии, где они жили, в техникуме, на фабрике – никто не слышал, чтобы они собирались уезжать. Все их вещи остались на месте. Я звонил к ним на родину в Узбекистан – домой они не возвращались.

– Да зачем им домой? Что они там не видали? Там невест до сих пор на баранов меняют. А потом всю жизнь в глухом ауле чуть ли не в парандже держат. Уехали в Москву, нашли работу. Сейчас сборщик на АЗЛК больше меня зарабатывает.

– Я в прошлом году ездил в Самарканд – там у девчонок юбки короче, чем в Москве. И про паранджу никто не вспо-

минает. К тому же, они бы и здесь на фабрике больше тебя зарабатывали. Никуда не бегая.

– Остынь, Максим. Зачем нам статистику портить?.. Кстати, сейчас дочка звонила. В институте списки вывесили. Поступила! Так что сегодня я проставляюсь.

– Поздравляю! Лена молодец. На дневное?

– Да, – чуть погрустнел Андрей Алексеевич. – С внуком теперь теща будет сидеть. Уже приехала из Тамбова. Чувствую, скоро мне придется на дачу переезжать: не уживусь я с этой ведьмой. Надо там хоть печку какую-нибудь поставить.

– Лена так и не говорит кто отец ребенка?

– Нет. Год ее пытаю: и так, и эдак... Все бесполезно. Убил бы я этого гада. Нашкодил и в кусты.

– Может, она сама не хочет, чтобы он был её мужем.

– Думаешь, изнасилование?

В этот момент зазвонил один из трёх телефонов на столе. Прокурор молча выслушал и повесил трубку.

– Иди собирайся. В Кратово убийство. И непростое. Так что я с вами поеду. Насчет Ленки ты прав: что-то здесь не так. Но главное, что все здоровы: и дочка, и внук. А мужа она себе найдёт, – Андрей Алексеевич пристально посмотрел на Максима, будто оценивая его, как возможного зятя. – Тебе тоже надо новую жизнь начинать. Прошлого не вернешь, только изведешься весь. Вон какие мешки под глазами... Поехали посмотрим, что там в Кратово.

Глава 2

Когда к воротам дома в кратовском дачном поселке «Московский художник» подъехала прокурорская черная «Волга», там уже стояли два желтых милицейских УАЗика.

Деревянный зеленый дом, спрятавшийся за вековыми соснами в глубине участка, почти не был виден. Петляя между деревьями, к нему шла мощенная серой плиткой узкая дорожка. Две террасы и весь второй этаж были почти полностью застеклёнными. Большой тенистый участок был весь покрыт мягким ковром из сосновых иголок. Только у крыльца в двух маленьких клумбах росли разноцветные анютины глазки.

Все приехавшие на вызов столпились в спальнной комнате на втором этаже, где на большой кровати лежала абсолютно голая мёртвая женщина. Её руки и ноги были привязаны к стойкам на углах кровати. Длинные чёрные волосы рассыпались по подушке.

– Красивая... – вздохнул один из милиционеров.

– А по мне – слишком дохлая, – отозвался другой. – В смысле слишком худая. Мне нравятся женщины в теле.

– Вы какого чёрта здесь собрались? – закричал с порога Андрей Алексеевич. – Мертвых голых баб никогда не видели? Ну-ка, бегом все отсюда! Саша, – обратился он к коренастому оперу, – ты почему здесь эти смотрины устроил? Судмедэксперт приехал? Давай рассказывай, что произошло.

Саша Бочков, оперативник из райотдела, стоял в уголке и что-то записывал у себя в блокноте. Андрей Алексеевич обратил внимание на то, что тот был в дорогих фирменных джинсах Wrangler и в модной чёрной рубашке с двумя карманами с большими клапанами. На груди на пуговице висели тёмные очки в тонкой позолоченной оправе.

«Всегда у него отличные импортные шмотки, – подумал прокурор. – Надо не забыть спросить, у кого он всё это покупает. Ленке к институту что-то наверняка понадобится. А самому идти к спекулянтам не хочется».

– Тело обнаружила проходящая работница. Она и вызвала милицию. Убитая – Швец Роза Семеновна, хозяйка дома. Похоже, изнасиловали, задушили и обнесли.

– Кто-то может составить список похищенного? – осматриваясь, спросил Сашу Максим.

Дом был по-настоящему шикарно обставлен. Не так вычурно и шаблонно, как в домах у заведующих магазинами, где было много чешского хрусталя, полированной югославской мебели, японской радиоаппаратуры и полных собраний сочинений никогда не читаемых скучных писателей. Здесь было все солидно и богато. Картины в тяжелых толстых рамах, антикварные резные комоды, бронзовые люстры, изысканные портьеры на окнах и различные украшения-безделушки, привезённые из далекой заграницы. На прикроватном столике с наборной столешницей лежало несколько ярких журналов. Максим подошёл поближе: с обложек призыв-

но смотрели голые девушки. На открытой странице одного журнала была яркая фотография такой же связанной женщины и двух негров, готовых к сексу с ней.

– С домработницей я ещё поговорю, а из близких никого нет, – продолжал Саша. – Муж пропал в прошлом году, оставив записку. Вы же, наверное, всё помните. Детей нет. Жила одна...

– Про мужа я помню, – прервал Андрей Алексеевич. – А если её не специально убили, а случайно задушили? Переборщили во время развлечений... Соседей опросили? Здесь в каждом доме есть свой наблюдатель – муха не пролетит. Они ещё со сталинских времен друг за другом привыкли присматривать.

– Да уже одна сумасшедшая соседка прибежала. Я сказал, что сам к ней зайду попозже.

– А что ей так не терпелось?

– Бабуля утверждает, что вчера вечером видела здесь покойного мужа убитой.

– Того, который пропал?

– Ну да...

– Хорошо, Саша. Опросите всех очень тщательно. Завтра приезжай к нам, всё доложишь, а сейчас давай уже приступать.

Через час, когда сели в служебную «Волгу», Андрей Алексеевич напомнил Максиму прошлогоднюю историю с мужем

убитой.

– С пропавшим год назад мужем так и не разобрались. Жена, которая теперь убитая, вернулась из Ялты, а на столе записка: «Прощай. В моей смерти прошу никого не винить». Экспертиза показала, что почерк его. Но тела так и не нашли. Даже озеро кратовское всё прочистили. И ничего. Тогда ещё сомнений было полно. Он человек известный: член союза художников, лауреат ленинских премий. Но с такой женой, наверное, вечно денег не хватало. Продавал что-то за бугор, минуя официальные структуры. И сам туда рвался. Как вся наша паршивая интеллигенция...

– Может и уехал? – предположил Максим.

– Если бы уехал, то уже бы где-нибудь объявился. На радио «Свобода», например. Только как он уедет? Граница на замке... Ты пива не хочешь? Заодно и пообедаем.

Глава 3

Кто откажется от предложения начальника выпить пива жарким летним днём, да ещё во время работы? Разумеется, Максим лишь обрадовался такому предложению.

– Давай заворачивай к станции, – сказал своему водителю Андрей Алексеевич.

На небольшой площади у платформы Кратово было маленькое кафе, где кроме обычного столовского ассортимента продавали разливное пиво. Уютным его было назвать трудно, но в нём была комната для важных гостей, где можно бы-

ло спокойно посидеть отдельно от шумной толпы.

Сегодня даже в общем зале людей было немного. Большинство посетителей стояли в длинной очереди к неприветливой женщине в белом халате, которая наливала пиво в принесённые ими бидоны и трёхлитровые стеклянные банки. Непонятно для кого на кране висел небольшой плакатик: «Требуется долива пива, после отстоя пены».

Без всякого сомнения, в такую погоду лучше пить пиво на свежем воздухе на соседнем озере, посматривая на молоденьких девушек, чем в душном, пропахшим табачным дымом и не самой свежей едой, помещении.

– Вряд ли те, кто идёт воровать картины, будут в придачу насиловать хозяйку, которой уже за 40, да ещё связывать её, разглядывая порножурналы, – рассудил Максим после того, как выпил залпом пол-литровую пузатую кружку пива. – Не сходится.

– А ты всегда знаешь, чем закончится свидание с женщиной? – улыбнулся Андрей Алексеевич. – С женщинами такого возраста всегда всё непредсказуемо. Ты просто ещё молодой. Не сталкивался.

– Всё впереди, – поддержал шефа водитель.

Семён Семёнович, водитель, работал в прокуратуре уже при нескольких прокурорах. И со всеми хорошо ладил. Пиво ему было нельзя, но он с удовольствием кромсал воблу, подкладывая начальнику очищенные кусочки.

– Что гадать? Опросят соседей, потрясут своих осведоми-

телей. Здесь в Кратово все на виду... Максим, а твоя подруга Тая... бывшая подруга, вроде, где-то там рядом живёт?

– Да. Мы проезжали её дом.

– Тот новенький из красного кирпича?

– Ага.

– Нам с тобой такой домик никогда не построить. Так что её понять можно.

Максим вспомнил, как давным-давно здесь, в Кратово, на озере всю ночь отмечали его проводы в армию. После института он отслужил полтора года, но Тая не дождалась. Она вышла замуж за сына директора торга, когда ему оставалось до дома всего месяц.

Через два года Тая неожиданно ушла от мужа. Тем вечером Максим возвращался с работы, а она сидела на скамейке перед его подъездом с таким видом, будто они виделись утром за завтраком, и она забыла ключи от квартиры.

Те несколько месяцев, которые они прожили вместе, были лучшими в его жизни. Всё закончилось, когда к нему на работу приехал её муж. Он не кричал, не ругался – просто показал семейные фотографии, на которых счастливая Тая была вместе с ним и маленьким сыном. «Что ты можешь дать ей взамен? У тебя даже своей квартиры нет. И что будет с нашим сыном?»

Вечером, после тяжёлого разговора с Максимом, Тая уехала к мужу. Через девять месяцев у неё родилась дочь, а Максим пустился во все тяжкие.

– Не надо рубить хвост по кусочкам. Так ты делаешь хуже и себе, и ей. Жениться тебе надо, – вернул Максима в реальность Андрей Алексеевич, разрезая мясо на тарелке. – В этом шницеле сухарей больше, чем свинины, – без всякой обиды заметил прокурор.

– Так сухари почти бесплатные, а мясо два рубля килограмм, – охотно объяснил Семён Семёнович. – А как по-другому себе хоромы построишь? Кстати, я слышал, что к этой женщине... к убитой, один важный человек очень часто ездил...

– Ты про второго секретаря горкома партии? – усмехнулся Андрей Алексеевич. – Вы, водители, в своих гаражах, как бабы на базаре... Про меня ты тоже всё всем рассказываешь?

Семён Семёнович тут же побледнел.

– Да вы что?.. Я же... – залепетал он. – Я думал, это делу поможет... А про вас мне и сказать нечего. Да и если бы было чего, я бы никогда никому...

– Да ладно. Не оправдывайся. Теперь, если всплывет, ему эти поездки аукнутся. Хорошо, если из партии не попрут. Бабы и кабаки доведут... Давай, Максим, допивай, да поехали работать.

– Я сейчас. На секунду забегу кое-куда, – ответил он.

Туалет был общий в вестибюле и Максим прошёл туда. Когда он уже сделал все свои дела и мыл руки, к нему обратился какой-то старичок:

– Что, приятель, жрёте отдельно, а в туалет к нам?

– Это вы мне? – спросил Максим, оглянувшись.

У умывальника перед зеркалом стоял подвыпивший интеллигентный старичок.

– Тебе, тебе, сынок, – ухмыльнулся дедушка. – Одно радуется: хотя бы ещё здесь у вас с народом единство, а не только в телевизоре.

Старичок засмеялся противным скрипучим смехом и вышел из туалета.

Глава 4

– Андрей Алексеевич, у меня завтра по графику должен быть выходной, но из-за этого дела... – Максим наморщился, как от зубной боли. – В общем, давай я сегодня поеду домой пораньше, сделаю свои дела, а завтра буду работать.

– Я надеялся с тобой по рюмочке, но если тебе очень надо...

– Еще успеем, – заверил Максим. В это время они уже вернулись в город и ехали по центральной улице. – Семён Семёнович, останови у той телефонной будки, – попросил он водителя.

Максим отпросился не потому, что у него были какие-то неотложные дела и не потому, что ему не хотелось пить водку. Когда они проезжали мимо дома, где жила Тая, на него накатила такая тоска и безнадега, что он понял: пьянка с начальником ему не поможет, а лишь всё усугубит.

Из телефона-автомата он позвонил знакомой девушке, ко-

торая жила недалеко и давно приглашала его в гости.

«Клин клином вышибают», – решил Максим.

Даша, так звали девушку, очень обрадовалась звонку. Торопливо сказала, что сейчас быстро отведёт ребёнка к матери, которая живёт рядом, в соседнем доме, и будет с нетерпением его ждать.

Они познакомились месяц назад и сразу после первой встречи поехали на три дня на турбазу за Коломну. Там, совсем рядом с их маленьким синим домиком с одним окошком, протекала река. С утра до вечера они загорали на песчаном пляже, купались, а по ночам занимались сексом на скрипучей железной кровати. Даша старалась быть обаятельной, заботливой и очень раскованной. Максиму почему-то это показалось немного неестественным, и он пропал почти на месяц.

Сегодня он решил встретиться с ней еще раз. По дороге он зашёл в магазин. Взял бутылку неожиданно оказавшегося там хорошего болгарского коньяка «Солнечный берег» и килограмм своих любимых конфет «Мишка на Севере». Максим подумал, что, наверное, хорошо было бы купить цветы, но для этого надо было идти к станции, а возвращаться ему уже не хотелось.

Даша, одетая в короткие домашние шортики и майку на тонких бретельках, встретила его как самого близкого человека после долгой разлуки. Сразу с порога, затащив его за руку в прихожую, она повисла у него на шее, обхватив нога-

ми и осыпая лицо поцелуями. От неожиданности он выронил бумажный кулёк с конфетами. Она встала на колени, чтобы их поднять, и сделала это так, что Максим не удержался, потянул её вверх, прижал к стене, и они занялись сексом прямо в коридоре.

– И куда ты пропал после турбазы? – иронично улыбаясь, спросила его Даша, когда они выпили коньяка на маленькой кухне.

– Работаю не покладая рук.

Максим ответил скорее по инерции. Он сидел на табуретке и ощущал от выпитого приятное тепло в животе. Оперевшись спиной о стену, он действительно почувствовал, что устал. Девушка что-то оживлённо рассказывала о себе, о своих делах. Он улыбался и кивал в ответ, пока она не поняла, что он её не слушает. Тогда Даша пересела к нему на колени и очень заботливо спросила:

– Проблемы на работе?

То ли действительно от усталости, то ли от коньяка и секса Максим неожиданно для себя рассказал о сегодняшнем убийстве.

– И часто у тебя такое? – сочувственно спросила она.

– Такое, как сегодня, очень редко. Понимаешь, она три года назад вышла замуж за дедушку-художника. Ему под семьдесят. А ей около сорока. Детей нет. Год назад он оставил записку: «В моей смерти прошу никого не винить». И пропал. Она наследует дом, квартиру в Москве, все его картины...

А теперь эта смерть... – Максим помолчал и грустно добавил: – Самое паршивое, что мне никого из них не жалко.

– Если бы всё не кончилось смертью, то можно было бы считать её везунчиком, – заметила Даша. – Все они такие, эти деятели искусств, – она тяжело вздохнула. – У меня есть знакомый художник, взрослый мужик, но настолько безответственный... Я его как-то попросила со своим ребёнком посидеть. Так он даже его не покормил. И вообще, бездельники они все.

– Но этот твой художник на что-то же живет?

– Кстати, он там же, в Кратово, в кочегарке работает. У них там в этой котельной целый клуб по вечерам собирается. Я один раз приехала... Поэты, музыканты – непризнанные гении. Тунеядцы, одним словом. Не удивлюсь, если они как-то причастны. Все высокомерные. Говорят о чём-то своём, а на самом деле в голове у всех одно: выпить и потрахаться. А на это нужны деньги. Поэтому это они с виду такие одухотворённые. А на самом деле спекулянты и перекупщики. Вам бы их проверить.

– Ну если работает в кочегарке – значит не бездельник, – справедливо заметил Максим.

– А почему ты с мамой живёшь? Переезжай ко мне, – неожиданно перевела разговор Даша.

– Мама уже старенькая, ей помощь нужна.

– Я уверена, что она будет только рада, если ты создашь свою семью. Ей станет гораздо спокойнее, когда она будет

уверена, что если с ней что-то случится, то о тебе будет кому позаботится. А мы ей внуков родим – тебе наследников.

Максим вспомнил, что Тая родила второго ребенка вскоре после ухода от него. Он часто думал, что это вполне мог быть его ребёнок. Но как это узнать точно? Да и стоит ли? Поговорить с Таей у него не получалось. Телефон она сбрасывала, увидеть ее где-то на улице было невозможно.

– А где сейчас твой ребёнок? – неожиданно спросил он у Даши.

– У бабушки... У моей мамы.

– Наверное, скучает по тебе. Знаешь, я, наверное, пойду домой. Выспаться надо. Завтра трудный день, – ему вдруг стало немного неловко перед Дашей за быстрый уход, и он добавил: – Если ты меня всегда так встречать будешь, то обязательно перееду.

Когда Максим ушёл, Даша налила себе коньяка, развернула конфету и с сожалением подумала:

«Кажется, опять переборщила. Куда я всё тороплюсь? Не надо было так спешить. Эти старые холостяки такие чувствительные... И скользкие, как мыло. Чем сильнее давишь, тем быстрее выскальзывают».

Первый муж Даши работал в магазине мясником. Зарабатывал раз в пять больше, чем хороший инженер на заводе. Но каждый день возвращался с работы пьяный и злой. «Я каждый день хожу по лезвию. Меня в любое время посадить могут», – отвечал он на упрёки жены. А как-то позвонил и

сказал, что домой больше не вернётся. Ушёл, даже не объяснив причин, и больше не звонил.

«Пока замужем была, так кавалеров полно было», – предалась воспоминаниям Даша. Почти каждый день она слышала: «Если бы ты была свободной... Как я завидую твоему мужу... Как хочу быть на его месте...» Нередко она, оставив ребёнка с бабушкой, соглашалась на уговоры особо настойчивых поклонников. Теперь, когда она стала свободной, про женитьбу никто уже не вспоминал. Забегали на часок, даже не оставаясь на ночь.

«И этот туда же. Стоило чуть намекнуть на серьёзные отношения, и он сразу в кусты. Все мужики козлы», – рассудила Даша и выпила рюмку.

Глава 5

Утром на работе Максима уже дожидался оперативник Саша Бочков, который накануне опрашивал соседей в дачном поселке.

– Есть что интересное? – поинтересовался Максим.

– Да там, если некоторых особо разговорчивых послушать, то на всех можно дела заводить.

Саша, развалившись, сидел в кресле, плохо скрывая своё снисходительное отношение к прокурорским работникам. Традиционно оперативники считали, что всю работу делают они, а следователи прокуратуры лишь пожинаяют лавры.

– Тебе бы самому разок съездить пообщаться с соседями

на месте преступления, – фамильярно посоветовал Саша. – Такое услышишь! Про то, кто с кем спит, и кто что с работы ворует – это само собой. Но иногда такое услышишь, что не по какому «Голосу Америки» не расскажут.

– Например, что? – холодно спросил Максим.

– Да так, ерунду всякую, – ответил Саша, сообразив, что сказал лишнее. Он убрал вытянутые до этого ноги, выпрямился в кресле и, достав свой блокнотик, начал докладывать по существу: – Все соседи в один голос утверждают, что к убитой ежедневно приходили разные мужчины. Это было и при жизни мужа и, тем более, после смерти.

– Так можно про любую одинокую женщину говорить, – Максим вспомнил про свое вчерашнее свидание. – Есть что-то относящееся к делу?

– Не совсем про любую. Она нигде не работала, но держала домработницу. После мужа осталась новая «Волга», и она на ней чуть ли не ежедневно куда-то ездила.

– Это все ерунда. Ну, продала пару картин из наследства. Муж был народным художником СССР. Самого Генерального секретаря рисовал. И других членов...

– Так как тела не нашли, официально она в наследство ещё не вступила. И пока официально не продала ни одной картины. Я запрос ещё вчера сделал. Но мне кажется, дело не только в картинах. У Никиты Семеновича, её мужа, была лучшая в стране частная коллекция икон. Большинство находилось в московской квартире, но и здесь, в Кратово, тоже

было несколько штук.

– И что из всего этого пропало?

– Сказать точно пока нельзя. Сейчас ищем знакомых её и мужа, чтобы они помогли составить описание. Домработница тоже написала список. Драгоценностей у неё было много. Поэтому, что пропало, что нет, установить трудно. На ней не было серёжек с бриллиантами, которые она никогда не снимала, и в спальне не оказалось шкатулки с другими украшениями. А в гостиной в шкафу все драгоценности остались на месте.

– У похитителей не было времени искать?

– Вряд ли. Если бы шли за золотом, то нашли бы. Для того, чтобы заглянуть в шкафы, времени много не надо.

– Тогда почему не взяли?

– Вы следователь, вам и разбираться, – не удержался от соблазна съязвить Саша. – Я всё написал в рапорте. Вот, уже целая папка.

– Это все, что удалось вчера узнать? Не густо.

«Попробовал бы сам. Перегарчик-то от тебя совсем свеженький, – подумал Саша, – и глазки красненькие. Сам вчера гулял, а мы должны за тебя землю рыть».

– Есть там у нас одна компания, – вслух сказал он, – иногда попадают на квартирных кражах и на спекуляции. Где-то хапнут, а потом в Малаховке на рынке продают. Вчера до них руки не дошли. Сейчас к ним съезжу.

– Надо было по горячим следам ночью их трясти. Теперь

уже подготовились, если что, – сделал замечание Максим. – А те, которые в кочегарке собираются, не могли быть частными?

Оперативник Бочков удивленно посмотрел на следователя.

«Откуда он про котельную знает? Что, интересно, ему ещё известно? – задумался он. – Надо с ним осторожнее. Ребята правильно говорили: этот следователь только с виду простой парень, а на самом деле принципиальный и упёртый. Если где проколешься – посадит и глазом не моргнёт».

– Тех художников тоже проверим, если будет что-то, я сразу вам сообщу, – пообещал Саша.

Как у любого опера, у Саши Бочкова были свои грешки. Он приторговывал импортными шмотками. На это все закрывали глаза, так как большинство сотрудников сами у него их покупали. А полгода назад один его знакомый, у которого Саша брал вещи для реализации, спросил, нет ли у кого икон на продажу. И предложил за них хорошие деньги. Через месяц за пару икон, которые Саша при осмотре незаметно забрал из дома умершей одинокой старушки, он получил больше, чем зарабатывал за год. Это его удивило и обрадовало. После той выгодной сделки больше икон ему не попадалось. Но вчера позвонил тот самый знакомый фарцовщик. Сообщил, что какие-то местные пацаны предложили хорошие иконы и попросил о встрече.

Глава 6

Галина Сергеевна приехала без предупреждения, и поэтому сбежать из дома Тая не успела. От грозной свекрови она спряталась в детской на втором этаже. Отношения у них не сложились с самого начала. Галина Сергеевна – властная женщина, прошла все ступеньки от простого продавца в гастрономе до директора райторга. Проведя полжизни в женском коллективе, была уверена, что может раскусить любую девушку с первого взгляда.

Таю она считала очень ветреной и ненадежной. Совершенно недостойной её единственного сыночка. Если первое время после свадьбы и рождения ребёнка она пыталась делать вид, что довольна своей невесткой, то после того, как Тая сначала ушла к Максиму, а потом вернулась, Галина Сергеевна решила избавиться от неё любой ценой.

Это было непросто. Её сын Евгений, которого она воспитала без отца, боготворил свою жену. Они были одноклассниками, и его любовь началась ещё в школе. Всё это время Тая считала его лишь хорошим другом. Сразу после школы она начала встречаться с Максимом и уже не думала ни о ком другом.

Эта её недоступность ещё больше распаляла и будоражила Евгения. Возможность что-то изменить у него появилась, когда Максим ушёл в армию. Свой шанс он не упустил. К тому же, навязчивая опека матери, которая никак не могла понять, что её сын давно вырос, раздражала его так сильно,

что любое её желание он воспринимал как вызов своей свободе. Поэтому пока Галина Сергеевна сделать с невесткой ничего не могла.

Но сегодня она приехала не ругаться с Таей. Три года назад Евгений окончательно решил, что путь работника советской торговли, который ему определила мать, не для него. Он считал, что обвешивать и обсчитывать покупателей, торговать гнилыми овощами, спекулировать импортным дефицитом из-под прилавка унижительно и пошло. Евгений презирал вечно пьяных заведующих продуктовыми магазинами, грубых хабалистых тёток-продавцов, высокомерных директоров универсамов, надменных официантов в гремящих ужасной музыкой ресторанах.

Во время отпуска в Грузии он познакомился с местными цеховиками, которым нужен был канал для реализации своего товара. Центральная московская власть давно закрыла глаза на то, что творилось в маленьких закавказских республиках. Там на небольших фабриках полуподпольно шили хорошие классические и спортивные костюмы, неплохую обувь и делали много всего другого.

Евгений с такой мамой был для них находкой. Через сеть магазинов торга можно было продать любое количество их теневой продукции.

Первое время мать благосклонно отнеслась к новому делу своего сына. Но со временем это сотрудничество стало её пугать. Грузинские торговцы поначалу были очень обая-

тельны и вежливы. Любили красивые застолья с длинными льстивыми тостами. Но со временем их аппетиты увеличивались. Каждый день Евгению звонили чьи-то родственники, желающие реализовать свой товар. Их просьбы становились всё более напористыми и даже угрожающими.

Эта нелегальная торговля становилась опасной. Как директор торгова, Галина Сергеевна давно уже сама почти никогда не рисковала. Заведующие магазинами сами приносили ей деньги. Она тоже не жадничала и делилась с кем надо. Часть денег она передавала наверх, в Москву, чтобы им на торгов выделяли больше хорошего товара и предупреждали о возможных проверках.

Но дела с грузинами, хоть и приносили хороший доход, не были согласованны с московским начальством, и поэтому, если бы это открылось, были бы большие проблемы.

– Женя, можешь сказать своим многочисленным грузинским знакомым, что мы с ними прекращаем все дела. Завтра тебе на склад привезут все остатки с товаром и деньги за проданное. И на этом всё.

Евгению уже давно и самому не нравились эти взаимоотношения. Грузины уже не церемонились. Диктовали условия и не хотели слушать никаких объяснений о сокращении торговли.

– Давай хотя бы распродадим то, что осталось, – неуверенно попросил мать Евгений.

– То, что осталось – неликвид. Мы таким товаром можем

долго торговать. Всё это плохо кончится. Жадность – вещь плохая. Вот соседи твои жадничали и вот итог. Год назад муж исчез, а теперь жену его задушили...

– А почему ты думаешь, что из-за жадности? Мне кажется, это интеллигентные люди... Он вообще художник.

– Я, Женечка, много чего знаю... Задушили её совсем не случайно. Не в свои дела она ввязалась... И мы с тобой тоже не туда влезли, – тяжело вздохнула Галина Сергеевна. – Вот пошёл бы ты директором в «Спорттовары» – никаких проблем бы не было.

Мать посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж, и подумала: «Лучше бы эту твою змею кто-нибудь придушил. Доведёт она тебя до ручки. Чужого ребёнка принесла, а ты, как слюняк, обратно её принял».

– Как дети? Не болеют? – невозмутимо спросила она. – У меня в машине сумки с гостинцами и едой. Пойдем заберёшь, – она тяжело встала из-за стола и пошла к двери.

Проводив мать, Евгений поднялся наверх к детям и Тае.

– Мама уехала – можешь спускаться, – сказал он.

– Опять меня ругала? – спросила Тая.

– Нет, сегодня про тебя ни слова не сказала. Требовала прекратить все дела с грузинами.

– В этом я с ней согласна. Это очень опасно. Не нравятся они мне. Улыбаются, а в душе нас презирают.

– Да знаю я, – раздражённо ответил Евгений, – но что де-

лать? Мир такой, какой он есть. Правила давно установлены. Можешь играть по этим правилам, а можешь пить водку. Каждый решает сам.

– А нельзя, как все?..

– Что «как все»? – оборвал Евгений. – От звонка до звонка делать вид что работаешь? Я так не хочу. Для меня жизнь – это соревнование.

– С кем?

– Прежде всего, с самим собой.

Глава 7

Не успел утром Максим зайти в свой кабинет, как раздался телефонный звонок.

– Не ожидал? – услышал он в трубке голос Даши. – Привет! Не отвлекаю?

– Действительно не ожидал, – искренне удивился Максим.

Ему опять стало немного стыдно из-за своего раннего вчерашнего ухода. Максим был уверен, что Даша сейчас предложит встретиться ещё раз, а ему этого совсем не хотелось и пришлось бы что-нибудь придумывать.

Но девушка звонила не для этого.

– Помнишь, я вчера рассказывала про одного художника? – спросила она.

– Помню, конечно. Он не покормил твоего ребёнка, – с облегчением ответил Максим.

– Так вот, он ко мне вчера заходил. Я ему рассказала про

это убийство в Кратово, о котором ты мне рассказывал. Это, наверное, не очень правильно, но после твоего коньяка я что-то разболталась.

– Ничего страшного. Про это уже полгорода знает.

– Он почему-то вдруг стал сам не свой. И сразу ушёл. А сегодня позвонил ни свет ни заря и уговорил меня, чтобы я попросила тебя найти время с ним встретиться.

«Только я ушёл, она уже другого нашла», – подумал Максим.

Он полистал свой ежедневник и сказал:

– Я сегодня весь день на работе. Может зайти в любое время.

– Он будет у тебя через пятнадцать минут.

– Хорошо, – произнёс Максим и подумал, что, скорее всего, художник никуда вчера от неё и не уходил.

Приятель Дарьи выглядел так, как должен выглядеть художник: длинные чёрные волосы, расчёсанные на прямой пробор, борода, длинная полосатая цветная кофта, выбеленные джинсы и рваные кеды.

– Илья, – представился он, протягивая руку. – Даша сказала, что найдете время со мной поговорить.

– Да, конечно. Присаживайтесь.

Они были почти ровесниками, но Максим сразу понял, что Дарья была права, когда назвала своего приятеля большим ребёнком. Он и сейчас в кабинете смотрел по сторонам

так же, как это бы делал десятилетний мальчишка, выискивая что-нибудь интересное для себя. Казалось, он уже забыл, зачем пришёл к Максиму.

– Дарья сказала, что у вас ко мне какое-то дело, – вернул его в реальность Максим.

– Да, Максим Сергеевич, – художник мгновенно поменялся и стал серьезным. – Дело вот в чём. У нас, недалеко от котельной, где я работаю, на озере собирается одна компания. Играют в карты, выпивают. У нас с ними часто бывают конфликты...

– У кого у вас? – поинтересовался Максим.

– У нас? Ах да... – Илья растерялся, как будто уже забыл о чём говорил, – у меня с моими друзьями. Но это неважно. Так вот, вчера утром два парня из той компании принесли ко мне на работу две иконы, – он замолчал, рассматривая репродукцию картины Левитана на стене кабинета.

– А зачем они приносили иконы? – нетерпеливо спросил Максим.

– Я так и не понял. Спрашивали, сколько они могут стоить. Думаю, хотели продать.

– А почему к вам пришли?

– Наверное, потому что я художник. Я точно не понял. Но эти иконы я видел в доме той женщины, которую убили.

– Подожди, – Максим от неожиданности перешел на «ты». – Когда они к тебе приходили? Время помнишь?

– Я только на смену заступил. Значит, в начале девятого.

«А убийство произошло накануне ночью, – прикинул Максим и задумался. – Неужели всё так просто? Наверное, Саша вчера говорил именно про них. Только он упоминал мелкие кражи, а здесь убийство».

– Я, собственно, почему к вам пришёл... Мне не очень хотелось, чтобы я где-нибудь фигурировал. Понимаете, я художник. И очень не люблю все официальное. Я и в школе-то проучился всего восемь классов...

– Спасибо, Илья, что рассказал. Сейчас мы всё это оформлять не будем. Оставь свои координаты, я с тобой свяжусь. Там посмотрим, что можно сделать.

Когда художник дошёл до двери кабинета, Максим задал ещё один вопрос:

– А когда ты видел эти иконы у убитой?

– Я иногда заходил к ней, – доверительно улыбнулся Илья и пропел: – Листопад, листопад, если женщина просит...

Глава 8

В то самое время, когда Максим беседовал с художником, оперуполномоченный Саша Бочков ехал на встречу со своим приятелем.

Гера Гранкин, худощавый молодой человек с выпуклыми вечно недовольными глазками, работал младшим лаборантом в московском НИИ. На своей работе он появлялся редко – только в дни зарплаты. Чтобы иметь такие привилегии, Гера иногда делал хорошие подарки директору института. Точ-

нее его дочери, которая числилась с ним в одном отделе.

Все свое свободное время Гера занимался спекуляцией или как ему больше нравилось говорить: фарцовкой.

Его родители почти непрерывно находились в заграничных командировках. Отец, талантливый инженер, участвовал в строительстве и запуске нескольких атомных электростанций по всему миру. А сына выгнали с третьего курса финансового института.

В Кратово у них была дача, доставшаяся еще от деда-писателя. Чтобы не слушать нравоучения отца, Гера больше времени проводил на даче, чем в московской квартире.

Последнее время он решил, что спекулировать импортными шмотками стало уже не престижно, и решил заняться антиквариатом: иконами и другой стариной. «Джинсы – это для рабочих и крестьян. Солидные люди интересуются солидными вещами, а хорошо заработать можно лишь на богатых».

Год назад Гера случайно познакомился с молодым местным опером Сашей Бочковым. И теперь рассчитывал, что тот поможет повернуть ему пару дел.

Ещё издавек, подходя к месту встречи, Гера заметил, что Саша опять не додумался оставить свой милицейский УАЗик где-нибудь в сторонке и прийти на встречу пешком. Он стоял у машины и болтал с другим милиционером, которому знать про Геру совсем не обязательно.

«А ещё мент. Чему их там учат? Хотя некоторых, сколько

не учи – не в коня корм».

– Привет, мой друг! – нацепив радостную улыбку, подойдя ближе, воскликнул Гера. – Отлично выглядите, товарищи милиционеры! – пожал им руки, достал из кармана пачку жвачки в виде сигарет с фильтром и протянул милиционеру-водителю.

– Мы немного пойдем погуляем, а ты пожуй пока. Там ассорти: вишнёвая, клубничная, мятная...

– Спасибо. Гуляйте сколько хотите. Солдат спит – служба идёт. А мне идёт ещё и зарплата.

Они пошли вниз в сторону озера по узкой, заросшей травой дороге, с двух сторон которую поджимали высокие деревянные зелёные заборы. Некоторые участки были огорожены штакетником, и тогда за высокими соснами можно было увидеть типичные кратовские дачи с большими террасами с множеством стёкол в больших и маленьких переплётах деревянных рам.

– Ты говорил об иконах. Я по телефону мало что понял, – сразу перешёл к делу Саша, – Кто тебе их предложил?

– Местная шпана, – пренебрежительно ответил Гера.

– А иконы хорошие? Стоят они того, чтобы ими заниматься?

– Не хуже тех, что ты привез месяц назад.

– А я-то тебе зачем? Почему ты у них сам не взял?

– Мы же с тобой компаньоны и это твой район, – улыбнулся Гера. – Как я без тебя?

«Хочет, чтобы никто не связал его с этими иконами. Потому что не уверен в этих ребятах. Могут разболтать. А если получит из моих рук, то они как бы уже отмытые. Уверен, что в случае чего, я его не выдам», – усмехнулся Саша.

– А когда они тебе их предложили?

– Когда я тебе звонил? Вчера? Вот вчера и предложили.

«А накануне кто-то залез к жене художника, не оттуда ли эти иконы?»

– Здесь в Кратово какую-то женщину убили. Не слышал? – спросил он у Геры как бы между прочим.

– Кошмар какой!.. Нет, ничего не слышал. Я же мало с кем общаюсь.

«Интересно, действительно не знает или прикидывается...»

– Я переговорю с кем надо, узнаю кто продаёт, и если что-то смогу сделать, то сразу свяжусь с тобой, – пообещал Саша.

«Вот менту счастье привалило. Сейчас поедет к этим гопникам. Припугнёт. Заберет иконы и мне продаст. Ну что же. Мне это от него и нужно. Главное, чтобы эти пацаны не догадались, что я навёл».

– Саша, у меня большая просьба: ты меня не подставь. Эта шантрапа такая мстительная... Ещё подпалят отцовскую дачу из-за обиды.

– Конечно. Не волнуйся, – постучал ему по плечу Саша, – мы же компаньоны.

Глава 9

Найти тех ребят, которых Гера назвал «местной шпаной», было нетрудно. На высоком берегу озера стоял небольшой пивной ларёк, чуть дальше по улице был единственный в этих краях продуктовый магазин, где торговали спиртным. Внизу на берегу расположилась лодочная станция.

Несколько перевёрнутых деревянных лодок лежали на берегу рядом с маленьким сарайчиком. Внутри него в одном углу стояли вёсла, а в другом – старая тахта. В тени под большими ивами, ветки которых опускались до самой воды, стоял грубо сколоченный стол с двумя лавками по бокам. За ним сидела компания молодых ребят. Они и были нужны Саше Бочкову.

Спускаясь с горки, он заметил, как изменились их лица, когда они поняли, что он направляется именно к ним.

– Ну что, тунеядцы-алкоголики, попались! – шутливо поприветствовал он их. – Пивом угостите? – спросил Бочков, показывая на трехлитровую стеклянную банку, стоявшую на столе.

– Здравствуйте, Александр Борисович, – поздоровался высокий парень с длинными волосами и в красной выгоревшей футболке с надписью «Олимпиада 80».

Кроме него за столом были ещё два парня и две совсем молоденькие девушки в купальниках, которым, скорее всего, через несколько дней надо было идти в школу после летних каникул.

Саша выключил небольшой кассетный магнитофон, стоявший на столе.

– Родители знают, где вы? – спросил он девчонок. – Сомневаюсь, что они разрешают вам курить.

– Не ваше дело, – грубо огрызнулась та, в руке которой была сигарета. Несмотря на то, что она была довольно крупная и с большой грудью, которая выпирала из узкого купальника, по её лицу было видно, что ей нет еще и шестнадцати.

– Присаживайтесь, Александр Борисович, – услужливо предложил длинный. – Ну-ка, соски, бегом отсюда! – махнул он рукой девчонкам.

Те состроили на лицах презрительные гримасы, медленно вылезли из-за стола и, подобрав с травы свою одежду, пошли в сторону небольшого песчаного пляжа.

– После танцев сами за нами бегать будете, – бросила одна из них на прощание.

– Смотрите, пацаны, за малолеток много дают, – сказал Саша, присаживаясь за стол. – А за убийство вообще вышак могут припаять.

– Чего? Какое убийство? – пробубнил парень с прыщавым лбом и кривым носом. – Эти шалавы сами к нам лезут. Как будто мёдом намазано.

– Будто вы ничего не знаете про убийство женщины? – Саша взял двумя руками банку со стола и, задрвав голову, сделал несколько глотков.

Прыщавый парень сильно икнул.

– Чтобы икота прошла, надо напугать. Хочешь напугаю? – Саша Бочков ещё раз поднял банку и выпил. – Знаешь, как у нас расстреливают?

– А при чём здесь это? – набычился парень и опять икнул.

– Приговорённого сажают в камеру в специальном крыле тюрьмы. К этому времени он уже знает, что его расстреляют без предупреждения, – сказал оперативник и вытер ладонью губы. – Выведут однажды на обычную прогулку и просто выстрелят из револьвера в затылок.

– Да не убивали мы никого, – обидчиво произнёс молчавший до этого третий приятель.

– Знаешь, что самое страшное в такой казни? – не обращая на него внимания, продолжал Бочков. – Не сам расстрел, а ожидание расстрела. Каждое утро ты встаёшь и думаешь: «Сегодня меня точно убьют». А потом, если в этот день пронесло, ты сидишь в камере и представляешь, как твои мозги завтра разлетятся по стенкам коридора, – он немного помолчал. – И так много дней. А потом – бах! – Саша повернулся к прыщавому парню и, рассмеявшись, похлопал его по спине. – Ну что, прошла икота?

– Про убийство мы, конечно, знаем, – вмешался в разговор высокий парень, – но мы, правда, ни при чём. Мы за три дня до этого у этой женщины вещи переносили. Она сама нас попросила. И заплатила хорошо. Зачем нам кого-то убивать?

Бочков решил, что ему сейчас не надо сильно давить на пацанов. Если они действительно причастны к убийству и

вдруг неожиданно со страху расколются, то расскажут и про иконы. Тогда забрать их себе не получится. Лучше всего в этой ситуации будет – прямо сейчас отвезти их в отделение. Пусть посидят там пару дней, пока что-нибудь прояснится.

– Вот что, ребята. Надо прокатиться до моего кабинета. Подписать там пару бумаг. Про то, как вы таскали мебель, что видели у убитой. Это ненадолго. Собирайтесь. Там наверху УАЗик стоит.

– А здесь нельзя все написать? – спросил длинный, который был в этой компании старшим.

– Нельзя. Так что закрывай свою лавочку и поехали.

Саше вдруг пришло в голову, что похищенные иконы могут находиться в этом хлипком сарае. Если они стоят больше, чем те, которые он взял у бабки, то ему хватит на «Жигули». Для того, чтобы купить машину, откладывая с зарплаты каждый месяц, понадобится лет десять. Он вздохнул. Подошёл к сараю. Подёргал дверь.

– Никто к вам не лазит? – спросил Бочков.

– А что здесь брать-то? – пожал плечами высокий парень.

Глава 10

«А почему бы и нет? – подумал Максим, вспомнив предложение Ильи заехать к нему в кочегарку. – Даша говорила, что там собирается какая-то интересная компания. Может, что-то о деле разузнаю...»

Конечно, не только из-за этого он решил съездить в Кра-

тово. От котельной до дома, где жила Тая, было совсем недалеко. И Максима безотчетно тянуло быть к ней поближе.

От здания прокуратуры до железнодорожной станции можно было пройти напрямую, перебравшись через рельсы, или обойти как положено, поднявшись на мост. Максим выбрал первый вариант, поэтому успел на отходящую электричку и уже через пятнадцать минут вышел на тихой дачной платформе «Кратово». До котельной он не спеша дошёл минут за десять.

«Вот куда надо работать идти, – усмехнулся он про себя, увидев у озера белое, довольно симпатичное здание в окружении огромных сосен. – Целый день на берегу баклуши бьёшь, и тебе ещё деньги платят».

Это была не классическая угольная кочегарка – котельная была газовой. В обязанности дежурного оператора входил только контроль за приборами, и при необходимости увеличивать или уменьшать температуру в котлах с помощью почти такой же ручки, как на домашней газовой плите. Это было несложно и свободного времени было много.

Дверь была не закрыта. Максим прошёл в большой зал с котлами и трубами. Сразу услышал звонкий смех и чью-то игру на гитаре. Звуки доносились из комнаты отдыха в дальнем конце зала.

Художник Илья не ожидал такого гостя, но очень обрадовался. Кроме него в комнате был ещё один длинноволосый парень с тоскливым, пренебрежительным взглядом всезна-

ющего и всё повидавшего человека. И, что для Максима было очень неожиданным, в углу на диване сидела Лена – дочь его начальника, прокурора Андрея Алексеевича.

Он её почти не знал, лишь несколько раз видел, когда она приходила к отцу на работу.

Максим невольно засмотрелся на её красивые длинные ноги, которые почти не закрывала короткая джинсовая юбка. Лена была совершенно не похожа на своего отца. Её светлые пушистые волосы были ровно подстрижены на уровне плеч. Длинная чёлка почти закрывала брови. Из-под них с нескрываемым любопытством, чуть насмешливо и изучающе, на него смотрели карие, по-восточному раскосые глаза. Максиму рядом с ней сразу захотелось стать моложе и интереснее.

Илья представил гостя. Лена его узнала. А музыкант протянул мягкую ладонь, сказал, что он Рома и больше не обращал на него внимания. Он ждал, когда можно будет продолжить беседу, которую они начали до прихода Максима.

Илья, как гостеприимный хозяин, стал наливать гостю чай, а Рома нетерпеливо продолжил:

– Нельзя усидеть на двух стульях. Работать здесь, потом заниматься семьей, а в оставшееся время пробовать что-нибудь сотворить... Так ничего не получится. Ни с тем, ни с другим, ни с третьим.

– За наше творчество денег вряд ли кто заплатит, а жить-то на что-то надо, – ответил Илья. – Поэтому и работаю.

– Значит, надо что-то выбирать... Отчего-то отказываться.

– Можно подумать, что если выбрать искусство, то еда не понадобится. Деньги нужны в любом случае.

– Ты прав... Самое обидное, что у безмозглых торгашей и спекулянтов денег полно. Я в прошлом месяце в кабаке лабал на подмене... По десятке за одну песню башляют... Я там за неделю заработал больше, чем до этого за год.

– И чего не остался? – пожал плечами, спросил Илья.

– Да ты же знаешь... Я эти попсу кабацкую не переносу.

– Ну так нельзя... В кабаке тебе не в кайф, работать тоже не нравится... Что же ты хочешь?

– Я хочу много денег, – рассмеялся Рома. – Купить хорошую аппаратуру, найти студию. Чтобы думать только о музыке.

– Где же ты возьмешь много денег? – с улыбкой спросила Лена.

– Придется искать старуху процентщицу, – усмехнулся парень. – Меня и фамилия обязывает. Я же Раскольников.

– У вас здесь позавчера уже кого-то убили, – сказала Лена и вопросительно посмотрела на Максима.

– Да, Розу Швец кто-то задушил, – Роман опустил глаза и взял несколько аккордов на гитаре.

– А ты её знал? – вмешался в разговор Максим.

– Кто же её не знал? Она ни одного мужика не пропустила, – засмеялся музыкант.

– И в гостях у неё был? – продолжил задавать вопросы Максим.

– Да был пару раз.

– А когда последний раз?

– Ты меня будто допрашиваешь, – резко ответил Роман.

– Так он и есть следователь, – замялся Илья, жалея, что сразу об этом не сказал.

Роман побледнел, отставил гитару в сторону и растеряно спросил:

– Вы, правда, следователь?

Он еще что-то хотел добавить, но не успел: в комнату буквально ворвалась Даша, затянув за собой фарцовщика Геру Гранкина.

– Всем привет! Мы с такого обалденного концерта приехали! Вы не поверите – «Машина марионеток»! – воскликнула возбужденная Даша. – И все благодаря моему другу. Знакомьтесь. Его зовут Гера.

Максим с сожалением подумал, что этот Роман чуть не сказал что-то важное. Но ещё больше его расстроило появление не в меру болтливой и любвеобильной Даши.

Тем временем её новый приятель Гера достал из пакета бутылку коньяка и коробку конфет.

Больше всех обрадовался коньяку музыкант Рома. Он вскочил, вытащил из маленького шкафчика несколько разнокалиберных чашек.

– У меня глаз-алмаз. Не волнуйтесь. Всем поровну. Капля

в каплю, – быстро разливая, приговаривал он.

Бутылка закончилась быстро. Даша принялась рассказывать про концерт.

– Дом культуры какой-то картонажной фабрики у метро «Октябрьская». Зал узкий, стулья протёртые, но какие люди вокруг! – восторженно тараторила она. – Золотая молодёжь!

– А как музыка? – спросила Лена.

– Ты даже не представляешь, – Даша так сильно махала руками, что чуть не сбила чашки со стола, – все так классно! Разноцветные огни мигают на сцене... Волосы длинные... А как одеты!

– С хорошей аппаратурой любой сыграет, – проворчал Рома, расстроенный, что коньяка оказалось так мало.

– Кто же тебе мешает? – обиженно ответила Даша. – Ищи аппаратуру, сочиняй песни. Что ты здесь в кочегарке каждый день сидишь?

– В принципе, Рома прав, – заметил Гера. – Только надо чуть шире на это смотреть. Есть люди, которым разрешают выступать, а есть те, которым можно брэнчать только в своей компании.

Гера залез в карман, вытащил несколько кусочков яркой бумаги и небрежно бросил их на стол.

– Вот, билеты на концерт. На самом деле это лишь обычная поздравительная открытка, нарезанная на кусочки. А на них, – он поднял один из кусочков и показал Лене, – штамп «Уплачено», который есть в любом комитете комсомола. Вот

такие кусочки продаются за пять рублей. А в Большой театр официальный билет стоит полтора рубля. Любого другого за такие концерты давно бы посадили лет на десять. А им можно. Вот так.

– Но это же прекрасно, что хотя бы кто-то может послушать хорошую музыку, – пожал плечами, сказала Даша.

– Да, конечно хорошо. Только... – хотел что-то добавить Гера.

– Вот я и говорю: одним всё можно, а другим ничего, – оборвал его Роман.

– Ну и отлично, – раздраженно ответила ему Даша. – Какой вот от тебя толк? Ты же не только семью прокормить не сможешь – у тебя и на себя-то денег нет. Вот у меня муж мясником работал, так он знаешь, сколько денег приносил?..

– Приносил, приносил... А потом к другой убежал, – зло-радно рассмеялся музыкант.

– А таких, как ты, вообще, кастрировать надо, – закричала обиженная Даша, – чтобы потомства не было.

– Тихо вы, – примирительно сказал Илья. – Что вы всегда ругаетесь как кошка с собакой?

– А ты сам как к этому относишься? – спросил Геру Максим.

– Конечно, это лицемерие. По телевизору и на собраниях одно говорят, а сами давятся за импортными шмотками и за билетами на такие концерты. Эти же открытки через комитеты комсомола распространяют. Только для элиты. Если

такие звёзды зажигают, значит это кому-нибудь нужно.

– Не все же только ради шмоток живут, – возразила Лена.

– Шмотки, конечно, ерунда. Главное – это власть, – твердо сказал Гера. – Потому что власть – это деньги.

– У нас же власть народа, – пренебрежительно процедил Роман.

– Ничто не вечно. Сегодня ты сверху, завтра снизу, – отшутился Гера.

– Вы опять о какой-то ерунде, – вмешалась Лена. – Деньги... Власть... Зачем всё это, если ты никого не любишь?

– Ты, Леночка, уже сама мама, а рассуждаешь, как наивная девочка, – вздохнула Даша. – Любовь хороша на сытый желудок, а на голодный человек думает лишь как пожрать.

– Не буду с вами спорить. Мне пора домой, – Лена поднялась с дивана. – Да, и мне нравится быть наивной девочкой.

Максим тоже встал.

– Засиделся я у вас, – сказал он. – Да и с наивной девушкой нам по пути, – добавил Максим с улыбкой, – если она не против.

– Вам, мужикам, всегда по пути с молодыми и красивыми девушками, – язвительно, чуть ли не скрипя зубами, обронила Даша.

– А я все про вас знаю, – сказала Лена, когда они шли к станции по тёмной дачной улице, где не работал ни один фонарь.

– Откуда же?

– Слышала, как папа рассказывал о вашей истории моей маме.

– Хорошо, что предупредили, пока я не начал что-нибудь придумывать.

– Вам, наверное, иногда бывает очень тоскливо...

– Бывает, – согласился Максим.

– А сейчас тоже?

– Сейчас нет.

Максим улыбнулся в темноте и подумал, что ему нравится её открытость и искренность. Сначала ему показалась, что её наивность немного наиграна, но сейчас он решил, что, скорее всего, она на самом деле такая доверчивая и открытая.

– А вы хотите, я вам расскажу о себе? – неожиданно, будто прочитав его мысли, предложила Лена. – Я о вас много знаю, а вы обо мне ничего, – улыбнулась она. – Вам же наверняка интересно: откуда у меня ребенок и почему я не замужем. Все спрашивают, но почему-то рассказать об этом мне захотелось только вам.

Максим молчал, не зная что ответить.

– У меня секс был только раз в жизни, – продолжила Лена, – и вот так: сразу с результатом. Тот человек неплохой, но не такой, как я мечтала, – Лена прошла вперед и остановилась перед Максимом. – Вы, конечно, спросите, а зачем тогда я... – она повернулась и пошла дальше. – Знаете... Единственный раз захотелось стать как все. Подруги только об

этом и говорили, а я была как белая ворона. Вот и попробовала, – рассмеялась Лена. – Только ты папе не рассказывай, и давай на «ты». После этого «выкатъ» уже не получится.

Когда они подъезжали к её платформе, которая была чуть раньше той, на которой нужно было выходить Максиму, Лена попросила:

– Только не надо меня провожать. Мой дом у самой станции. Я столько наговорила – мне хочется побыть одной, – говорила она, глядя в тёмное ночное окно, и Максим видел её отражение. – Почти приехали. Можно я тебе стихи прочитаю?

– Свои?

– Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,

У всех золотых знамен, у всех мечей,

Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –

Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,

Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,

И в последнем споре возьму тебя – замолчи!

У того, с которым Иаков стоял в ночи.

В этот момент электричка подъехала к станции, и Лена, быстро сорвавшись с места, выскочила на платформу, успев крикнуть:

– Не мои. Цветаевой.

Ночью Максим не мог заснуть. Он первый раз за много лет думал ночью не о Тае, а о другой девушке. Поэтому, когда зазвонил телефон, он быстро снял трубку.

– Лена пропала, – услышал он голос прокурора. – Приезжай на работу... пожалуйста.

Глава 11

Дверь в кабинет прокурора была открыта. Андрей Алексеевич сидел за длинным столом, но не в чёрном кожаном кресле на своем привычном месте, а сбоку, нервно раскачиваясь на деревянном стуле. Увидев Максима, он быстро встал и сделал несколько шагов навстречу.

– Заходи, Максим... Заходи быстрее, – нетерпеливо произнёс прокурор. Голос у него дрожал, в руках был серый платок, которым он протирал лоб. – Ты сейчас мне про тех пропавших девчонок будешь говорить?... Ты был прав. Прав, конечно... – глядя в сторону, суетливо добавил он. – За это я и наказан.

Казалось, что за эту ночь он постарел на несколько лет. Он уже не был тем вальяжным, знающим себе цену чиновником. Свалившееся на него внезапное испытание показало, что в жизни главное, а что обычная мишура.

– Подожди, – попытался его успокоить Максим. – Почему ты решил, что с Леной произошло что-то плохое?

– Когда я тебе звонил, еще была надежда, что она где-то задержалась, но теперь ребята кое-что нашли... Садись. Сей-

час всё расскажу, – прокурор уселся в своё кресло.

– Подожди, Андрей... У меня тоже есть... – Максим за-
пнулся, подбирая нужное слово, – важная информация. Я
вчера видел твою дочь. И, наверное, видел её последним...

Андрей Алексеевич растерялся. Убрал платок в карман.
В его глазах появилась надежда, которая сменилась удивле-
нием и даже ревностью.

– Где видел? Как?

Максим коротко рассказал про вчерашний вечер.

– Эх, если бы ты её проводил до дома... – раздраженно
проронил прокурор. – Там идти-то пять минут. Ладно... – он
подвинул Максиму стул. – Бочков с ребятами опросили всех,
кого смогли и нашли вахтера общежития, которое рядом с
нашим домом. Он вышел покурить на улицу и видел, как к
девушке, которая шла от станции, подъехала тёмная маши-
на. Потом он отвлёкся на минуту, а когда опять посмотрел в
ту сторону, то ни машины, ни девушки не увидел. Там пло-
щадь большая... уйти она бы не успела. Значит, села в ма-
шину.

– Думаешь, это была Лена?

– Лена бы сама не села в незнакомую машину, да еще в
ста метрах от дома... Показали вахтеру фотографию. Он ска-
зал, что похожа. И если ты говоришь, что ехал вместе с ней
в электричке, то по времени совпадает... Почему же ты не
проводил?... – Андрей Алексеевич вскочил с кресла и начал
ходить по кабинету. – Ума не приложу что делать... Больше

никаких зацепок. А дорога каждая минута.

– Машину ищут? – машинально спросил Максим, думая о чём-то другом.

– Да. Я, помимо ГАИ, военных попросил. Весь район перекрыли, но машина как сквозь землю провалилась. Все дворы обошли. В гаражах сторожей опросили – ничего похожего. Или уже умчалась куда-то или спрятали на дачах где-нибудь в частном секторе.

– На дачах, – медленно повторил Максим, – конечно, маловероятно, – предположил следователь, – но если у нас больше никаких версий нет... – он встал и подошел к прокурору, который стоял у окна и смотрел в темноту. – Это не может быть связано с позавчерашним убийством в Кратово?

Андрей Алексеевич резко повернулся.

– Каким образом?

– Не хочется об этом даже думать... но девушек похищают не для того, чтобы с ними в кино сходить, – Максим старался осторожно подбирать слова. – А в Кратово тоже не самое обычное убийство. У нас в районе такого никогда не было.

– Одно дело – девушки из общежития или случайные прохожие, а другое дело... Хотя... – Андрей Алексеевич замолчал, раздумывая. – Ты прав. Не сидеть же нам сложа руки... Время не ждёт.

Он как будто ожил. Снял трубку с телефонного аппарата, объясняя Максиму:

– Если исходить из того, что это всё связано, то мы мо-

жем действовать. Бочков вчера привёз в отдел мелкую кра-
товскую шпану. Пусть с неё начинается. В Кратово все на виду.
Что-то да узнает, – и тут же набрал номер оперотдела.

Получилось так, что Саша Бочков, как и Максим, подня-
тый ночью с кровати, решил, что раз уж поспать не удалось,
то самое время надавить на пацанов с лодочной станции.
Выяснить про причастность к краже и убийству и, главное,
узнать всё про иконы. Поэтому, когда позвонил прокурор, он
сам снял трубку. Выслушав, Саша сказал, что тоже подумал
об этом же и как раз сейчас проведёт допрос.

– Так. Это хорошо, – удовлетворенно, с появившейся на-
деждой, сказал Андрей Алексеевич, повесив трубку. – Мы
тоже здесь в четырёх стенах сидеть не будем. Надо ехать в
котельную. Тот художник, о котором ты говорил, ещё там?
Мы начнём с него.

Глава 12

Когда все разъехались, Илья осмотрел приборы и вышел к
озеру покурить. Вернувшись, он достал из деревянного ящи-
ка в углу котельной подрамник с натянутым и уже загрун-
тованным холстом и самодельный мольберт. В опустевшей
комнате отдыха не спеша разложил краски и приготовился
к работе.

Это были самые счастливые моменты в его жизни. Глядя
на белую поверхность холста, он испытывал те же чувства,

как когда-то на своем первом свидании. Такое же трепетное волнение, неуверенность, сомнение в себе и одновременно ощущение безграничных возможностей.

Девушка с той далекой встречи давно стала его женой и родила замечательную дочку. Но дома в семье, в бесконечной суете будничных дней, трудно было уловить тот волшебный миг счастья, когда понимаешь, для чего ты живёшь. А здесь, в тишине и одиночестве, перед холстом он мог остановиться. Оценить сделанное и, главное, помечтать. Ему не надо было много: чуть-чуть признания, чуть-чуть денег, чтобы не нуждалась семья и, главное, свободное время, чтобы заниматься любимым делом. Поэтому он был неприятно удивлен, когда в комнату зашли Максим и Андрей Алексеевич.

– Извини, Илья, что оторвали, но мы по очень важному делу, – сразу объяснился Максим. – Лена пропала. А это её отец.

– Как пропала? Она же с тобой... – художник на секунду замялся, – с вами отсюда уехала... – Илья отодвинул с центра маленькой комнатушки мольберт, приглашая к столу неожиданных гостей. – Я сейчас чайник поставлю.

– Илья, ты не понял, – вмешался Андрей Алексеевич. – Пропала моя дочь. Пропала она, когда шла от станции к дому. Скорее всего, её затолкали в машину и куда-то увезли.

Илья остановился с чайником в руке и непонимающе переводил взгляд то на Максима, то на прокурора.

– Как я могу вам помочь? – растерянно спросил он после

долгой паузы.

– Понимаешь, у нас нет никаких зацепок, – пояснил Максим. – А здесь в Кратово на днях произошло убийство с сексуальным подтекстом, и мы думаем, что это может быть как-то связано. Ты же что-то говорил про иконы, похищенные с того места преступления. По ним сейчас уже работают. Может, что-то ещё вспомнишь? Посёлок ведь небольшой. И главное, как Лена вообще здесь у тебя оказалась? Может она с кем-то встречалась? Это очень серьёзно. Важна каждая мелочь.

Илья в нерешительности сел за стол, смахнул рукой невидимые крошки.

– Она когда-то давно встречалась с Романом, он её сюда и привел в первый раз. Но это давно было. Теперь она сама сюда иногда приезжает. Просто поболтать.

– Роман – это тот, который с гитарой был? – уточнил Максим. – Музыкант?

– Да. Но они встречались ещё до того, как у неё ребёнок родился. Совсем недолго.

– Недолго – это сколько? – вмешался прокурор.

– Может месяц, может меньше.

– Постарайся точнее вспомнить, когда это было, – настаивал Андрей Алексеевич.

Илья повернулся и пристально посмотрел ему в глаза.

– Вы хотите узнать, не от него ли она родила? – он постукивал себя по карманам в поисках сигарет. Отыскав, вытащил

из кармана пачку, но сигарету из неё доставать не стал, видимо от волнения забыв, что хотел закурить. – По срокам вроде от него. Но при мне они никогда даже не целовались. И вообще, все у них было как-то несерьёзно, не по-настоящему.

Илья опять вспомнил про сигареты. Вытянул одну, зажег спичку и прикурил, сразу же глубоко затянувшись.

– Они абсолютно разные, – добавил он. – Ваша Лена умная, целеустремленная, добрая, а он... – Илья потянулся за пепельницей в дальнем конце стола, – а он как говно в проруби. Болтается всю жизнь туда-сюда...

– А где он сейчас? – спросил Максим.

– Роман? – переспросил Илья. – Да он ушёл сразу за вами. Сказал, что за вином, но больше не вернулся. И Дарья с этим... с Герой, тоже почти сразу за вами ушли.

– А живёт-то он где? – нетерпеливо спросил прокурор.

– Здесь недалеко, на Горького... С матерью...

– Адрес напишешь?

– Конечно, – Илья оглянулся в поисках ручки и бумаги. – Не знаю, нужно вам или нет... Неделю назад, может чуть больше, Роза приезжала сюда в котельную. Спрашивала, смогу ли я сделать копию с картины её мужа. И картину эту привозила.

– И что ты ответил? – спросил Максим и заметил, что про адрес музыканта Илья уже забыл, поэтому достал свой блокнот и ручку и протянул ему.

– Я в такой технике никогда не рисовал. Да и приезжала

она не одна, а с какими-то комсомольцами. Они мне очень не понравились. Поэтому я отказался.

– С чего ты решил, что они комсомольцы? – удивился прокурор.

– Рожи у них были одновременно и приторно-услужливые, и высокомерные. Вели себя как хозяева жизни. Машина у них новенькая, наверное, родительская. Молодые – откуда у них деньги на свою? – Илья со злостью впечатал в пепельницу окурочок. – Одним словом – комсомольцы.

– А сколько их было и какая машина? – тут же спросил прокурор.

– Двое. Машина «Жигули». Темная.

– А ты не знаешь, откуда эти комсомольцы?

– Первый раз их видел. Может Ромка их знает. Он постоянно у этой Розы ошивался...

– Поехали, Максим. Бери адрес, и поехали к этому музыканту, – заторопился Андрей Алексеевич. – Очень мне хочется с этим Дон Жуаном поговорить.

Через минуту они вышли на улицу, где их ждала «Волга» с дремлющим за рулем Семёном Семёновичем. Уже почти расцвело, и над озером висел такой густой туман, что соседнего берега не было видно.

– Семёныч, вот адрес, – протянул Андрей Алексеевич листок проснувшемуся водителю, – мчим. Времени нет...

Саша Бочков сидел в пустом большом кабинете с серыми стенами на втором этаже районного УВД. Пропажа дочки прокурора смешала ему все карты. Он как-то незаметно уже свикся с мыслью, что получит деньги с похищенных этой шпаной икон. И даже распланировал куда их потратит. Недавно сосед по лестничной площадке, передовик с завода, купил через профсоюз новенькую машину, которая ему оказалось совсем не нужна. Если ему предложить денег чуть побольше, то он не устоит и точно продаст.

«Зачем токарю машина? Жену на дачу возить? Если ты работяга, катайся как положено: на автобусе».

Но сейчас деньги уходили из рук, как вода сквозь пальцы. И все из-за этого похищения. Теперь прокуратура будет лезть во все дела.

«Когда пропали узбечки из общаги, никто и глазом не повёл. Что за страна такая? – раздражённо подумал Саша. – Злись не злись, а с чего-то надо начинать. По ходу дела разберёмся».

Саша Бочков позвонил, чтобы привели из камеры старшего из задержанных. Через несколько минут перед ним в кабинете уже стоял высокий парень с лодочной станции.

– Присаживайся, – Саша показал ему на стул.

Доставленный молча сел боком к столу, небрежно положив на него локоть. Демонстративно вытянул ноги и устался в потолок.

– Фамилия, имя, год рождения. Где проживаешь?

– Чернуха Михаил Борисович. Первое июля тысяча девятьсот шестидесятого. Жуковский, Кирова, 16-87.

Саша записал в протокол данные и отодвинул листок в сторону.

– Вот что, Миша. Есть два варианта. Или ты со своей компанией садишься надолго за групповое изнасилование и последующее убийство гражданки Розы Швец. Или мы с тобой находим общий язык, и ты мне кое-что рассказываешь.

– Если вам надо это дело на кого-нибудь повесить, то вешайте на меня одного, – невозмутимо ответил Миша, продолжая рассматривать потолок. – Зачем пацанам жизнь ломать?

– Ух ты, какой герой! Откуда такое благородство?

– Я вроде у них за старшего. Ребята меня слушались, – Миша наконец опустил взгляд с потолка и посмотрел на оперативника. – Любишь командовать – люби и отвечать.

– Пока ты на севере будешь лес рубить, они забудут даже, как тебя звали...

– А мне главное самому не забыть, как меня звали, что для меня важно и на что можно наплевать и растереть...

– И что же ты такой правильный на лодочной станции сидишь?

Как многие пацаны в Жуковском, Миша с детства мечтал стать летчиком и даже поступил в лётное училище. Но после двух лет обучения, врачи запретили летать и его отчислили. Но рассказывать милиционеру об этом ему сейчас совсем не

хотелось.

– Нравится на лодках кататься. Вот и сижу, – грубо ответил Миша.

Саша Бочков встал из-за стола и подошёл к окну. Он позавидовал этому парню.

«Все у него просто и понятно. Это правильно, а это не правильно. Но пока это только слова, а что на деле, мы сейчас узнаем».

Он подошёл к молодому парню. Встал прямо перед ним и, глядя в глаза, спросил:

– Если вы передвинули пару шкафов и сразу ушли, то откуда у тебя иконы из дома убитой?

– Ах, вот вы о чём, – совершенно не удивившись, протянул Миша. – К этому ребята точно не причастны. Я эти иконы заметил, когда мы там работали. И ещё заметил, что дверь на террасу не закрывается. Поэтому, как стемнело, я вернулся и просто их забрал. Один вернулся. Без пацанов. Но говорят, что эти иконы дешёвый новодел и ничего не стоят. Поэтому и висели внизу. А ценные на втором этаже.

– Это кто тебе сказал?

– Да есть специалисты...

– А что же ты хорошие не взял? – с досадой спросил Бочков.

– Спугнули меня.

– Кто?

– Гость к Розе пришёл. Чудом меня не заметил. Наверное,

потому что очень пьяный был.

– То есть ты хочешь сказать, что видел того, кто приходил к Розе Швец прямо перед её убийством?

– Ну да...

– И можешь сказать кто это?

– Могу, конечно.

– А что же ты мне здесь концерт со своим благородством устраиваешь? Если ты убийцу видел.

– Может он не убийца.

Саша уже понял, что иконы ему не выцарапать никаким образом. Зато есть новый подозреваемый .

– Кто убийца, а кто нет – мы без тебя разберемся, – из-за потерянных денег, которые он уже считал своими, Саша разозлился. – Кто это был? Фамилию знаешь?

– А если скажу, вы меня отпустите?

– Ты же только что сам на зону рвался. Благородство своё фальшивое показывал, – раздраженно и презрительно произнёс Бочков. – Если поможешь, то суд учтёт. Но кража всё равно на тебе висит. Говори уже, не тяни. Кто там был?

– Рома – музыкант... Я его фамилию не знаю...

– Вот как! – Бочков рассмеялся. – Я смотрю, ты не кремень. То хотел один за всех пойти... Про ответственность здесь рассуждал. А по факту получается, что ты на своего приятеля стуканул...

– Не приятель он мне... – обиженно произнёс Миша.

Саше Бочкову это было уже не важно. Пять минут назад

этот парень с лодочной станции чуть не заставил его вспомнить про совесть и задуматься о своей жизни, но его принципиальность оказалась ложной и поэтому Саше Бочкову стало гораздо легче.

Глава 14

– Надо было из котельной Бочкову позвонить, – вспомнил Андрей Алексеевич, как только они отъехали. – Может есть какие новости... И домой жене позвонить...

– Я сейчас у проходной санатория тормозну, – предложил Семён Семёнович, – там у сторожа телефон.

Они проехали мимо длинного бетонного забора, и остановилась перед железными воротами рядом с кирпичной будкой с большим окном. Место было больше похоже на КПП воинской части, чем на санаторий.

– Я схожу, – вызвался Максим.

– Не надо, я сам, – тут же прокурор шустро выскочил из машины и очень быстро вернулся. – Бочков свою шпану расколол. Говорит, что в ночь убийства к погибшей приходил этот самый Рома-музыкант. Фамилия его Осеев. Может он и вчера успел к нашему дому раньше Лены добраться...

Через пять минут они уже были у дома музыканта. Несмотря на раннее утро, дверь быстро открыла очень худая женщина лет сорока с изможденным неприветливым лицом. Из-под синего застиранного фланелевого халатика торчала

помятая ночная сорочка. Она уже хотела сказать что-то злое, но увидела за спинами незваных утренних гостей припаркованную черную «Волгу» и осеклась.

– Мы из прокуратуры, – Максим показал удостоверение. – Здесь проживает Роман Осеев? Вы кем ему приходитесь?

– Мать я, – взволнованно ответила женщина. – А что случилось?

– Нам с ним срочно надо поговорить, – резко сказал прокурор. – Он дома?

– Да... Проходите... Но он ещё спит... – женщина прошла в глубину коридора. – Проходите, – еще раз повторила она.

Деревянный дом на четыре семьи уже давно не ремонтировался. Зато у всех был свой отдельный вход. Женщина аккуратно постучала в закрытую дверь комнаты.

– Рома, вставай, к тебе пришли.

Андрей Алексеевич бесцеремонно отодвинул женщину и попробовал подёргать ручку. Дверь была заперта изнутри.

– Открывай быстрее! – прокричал прокурор и несколько раз грубо стукнул кулаком по двери.

Потом приложил ухо к двери и махнул рукой Максиму, показывая, что надо проследить, чтобы никто не выпрыгнул в окно. Но Максим даже не успел выйти на улицу: дверь открылась и из-за неё показалась взлохмаченная голова музыканта. Андрей Алексеевич распахнул дверь, затолкнул Романа обратно в комнату и зашёл за ним.

– Быстро рассказывай, где вчера был! – еле сдерживаясь,

прокричал прокурор.

Музыкант не спеша сел на кровать, закурил и мотнул головой в сторону Максима.

– Вот с ним в котельной. А почему вы спрашиваете?

– После! После этого! – рявкнул Андрей и подскочил к кровати.

– Что вы кричите на моего сына? – вступилась мать. – Что вам вообще от него надо?

– Вчера кто-то похитил его дочь, – объяснил Максим, повернувшись к женщине. – Лена ночью пропала, – добавил он, обращаясь к Роману.

– Так ты же вчера с ней вместе ушёл... – ответил он. Потом посмотрел на прокурора. – Вы её отец? Никогда бы не подумал, – музыкант криво усмехнулся и добавил: – Ничего общего.

Тут прокурор не выдержал и с размаху залепил молодому человеку сильную пощёчину.

– Это ты, скотина, мою дочь обрюхатил? – закричал он и схватил упавшего назад на кровать Романа за горло.

Через мгновение Максим оттащивал его за руку, а мать за волосы.

– Я тебе глаза твои пороссячи вырву! – кричала она, защищая сына.

На крики прибежал из машины Семён Семёнович, и они вдвоем утащили разъяренного прокурора на улицу.

– Ты что делаешь? – пытался успокоить его Максим. – Так

мы ничего не добьёмся... Да ещё при матери.

Андрей Алексеевич зло пнул лежавшую на тропинке консервную банку, повернулся к Максиму и прокричал, взмахивая руками:

– Она – мать, а я – отец! Её оболтус здесь на кровати в безопасности, а моя дочь неизвестно где!

– Я понимаю, Андрей. Посиди в машине. Я всё сделаю. Так будет лучше.

Прокурор остановился. Посмотрел в глаза Максиму долгим оценивающим взглядом. Вздыхнул.

– Дорогой мой, действуй. Но времени нет совсем.

Максим вернулся в комнату. Роман всё ещё сидел на кровати, а рядом, согнувшись, держа его за плечи, стояла мать и утешала сына.

– Извините, что так все получилось. Это он из-за дочери, – Максим вытащил из-за стола единственный стул и сел. – Но есть еще кое-что. Есть свидетели, которые утверждают, что ты был у Розы Швец в ночь её смерти.

Роман будто ждал этого вопроса. Он отодвинул руки матери и неожиданно признался:

– Это я её убил.

Мать отступила от него назад и безвольно опустила руки.

– Сынок, – обреченно произнесла она, – как же так?

Роман молча сидел, глядя в пол.

– Да ты же мухи никогда не обидел, – продолжала мать. –

Почему ты на себя наговариваешь?

– Расскажи, как это произошло, – попросил Максим.

– Да как-как... Не помню я, как! – выкрикнул Роман и неожиданно заплакал.

Мать подошла к сыну и села рядом, глядя перед собой. Она уже не утешала его, а пыталась осмыслить услышанное.

– Рома-Рома! – быстро и громко произнёс Максим. – Не время сейчас плакать. Что значит «не помнишь»? Рассказывай, что помнишь, – он встал со стула, подошёл к музыканту и сильно потряс его за плечо. – Вспоминай! Это сейчас очень важно. Что произошло той ночью?

– Да пьяный я был, – поднял на него мокрые глаза Роман, – ничего не помню.

– Не может быть, чтобы совсем ничего. Почему же ты решил, что ты её убил?

Роман встал с кровати, повернулся к столу, взял сигареты и, с трудом попав спичкой по коробку, закурил.

– Я к ней после кабака пришёл. Уже почти час ночи был. Она сама в ресторан мне звонила, звала. Ну а у нас там играть всухую не принято. Выпили, одним словом. Ну, это не важно... В общем, она меня в постель тащит, – Роман посмотрел на мать, решая продолжать при ней или нет, – а мне ничего не хочется. Тогда она журнальчики достала... Ну, эти... с голыми девушками... – ему было стыдно говорить при матери, – вы же понимаете? И сказала, что нам нужно так поиграть, как там на картинках, чтобы у меня интерес появил-

ся... Короче, привязал я её к ножкам кровати, а дальше не помню. Проснулся, а она рядом мертвая... На шее шарфик шёлковый...

Роман замолчал. Мать сидела на кровати и смотрела на спину сына без всяких эмоций. Ей казалось, что она тоже умерла. Двадцать лет, работая уборщицей в двух соседних санаториях, она тянула Романа и его сестру, отказывая себе во всём. В прошлом году дочь сказала, что уезжает в Ленинград, чтобы там выйти замуж. Больше она дома не появлялась, не писала и не звонила. Теперь ещё и это. «За что мне всё это?! Почему бог так наказывает меня?» – думала она.

– А про Лену я ничего не могу сказать, – продолжил Роман. – Я не понял, зачем я тогда ей вообще нужен был. У меня и в мыслях ничего такого не было... Где я, а где она... Она же как принцесса... А я – никто... Про ребёнка я, конечно, её потом спрашивал, но она просила молчать. Умоляла. Мне даже обидно стало. Получилось, что вроде она меня использовала, только не знаю зачем. Я собственно из-за этой обиды первый раз к Розе и приперся. Но чтобы как-нибудь Лене навредить... Нет. Никогда.

– А потом? – спросил Максим.

– Что потом?

– Ну ты же ходил к Розе не одни раз, а она почти в два раза тебя старше. Зачем?

– Она мне денег давала, когда у меня не было, – честно признался Роман и опять оглянулся на мать. – У неё денег

полно было, вот она и помогала мне иногда.

– А не знаешь, откуда у неё деньги? Ведь она не работала нигде.

– Не знаю. Может от мужа что досталось. Она что-то постоянно продавала. К ней часто приезжали двое мужчин... На машине... Она их боялась очень. Дня за три до... – Роман замаялся, – до этой ночи, я слышал, как они на улице ругались. Я в спальне был на втором этаже.

– А почему ругались?

– Мне кажется, у неё было что-то такое, что им было нужно. А она не отдавала. Но точно я не знаю. Меня это не волновало.

– А что за ребята? Ты их знаешь? Видел где-нибудь?

– Видел пару раз, но кто они, я не знаю. Их Гера знает.

– Который в кочегарку вчера приходил? Так ты с ним вроде незнаком.

– Это он так просил, чтобы я делал вид, что мы незнакомы. Я у него иногда шмотки покупаю и в кабаке перепродаю, – Рома задумался и посмотрел в окно. – Пару раз я ему Розины кольца продавал... Она даже не заметила.

– Сынок, ты ещё и воровал! – всплеснула руками мать.

– Ну, мама... Ерунда это... Стекляшки... Настоящие ценности у неё в сейфе были спрятаны. Оттуда не украдешь. Про него никто не знал. Он за шкафом спрятан, – Рома рассказывал всё это обречённо, думая, что по сравнению с убийством это уже ерунда. – И ещё я доллары у него брал, в кабаке про-

давал, – сознался он.

– А Гера хорошо знает тех, кто ругался с Розой?

– Да. Он сам говорил, что у них общие дела. Но мне кажется, он у них на побегушках был...

– Описать их сможешь?

– С виду слащавые. Разговаривают культурно, но как-то с ними рядом не по себе становится. Даже страшно. Я людей хорошо чувствую. Такие на всё способны. В глазах ненависть и презрение. Они откуда-то из Средней Азии. То ли узбеки, то ли казахи – кто их разберёт... Гера тоже их боялся. Они как-то пошутили, что голову ему отрежут как барану, если он их обманет. Он позеленел сразу. Я видел, как у него руки затряслись.

– Где этот Гера живёт?

– Тут, у озера. Я дом не знаю, но могу нарисовать.

– А про сейф, который у Розы, ты кому-нибудь ещё рассказывал?

– Да Гере этому и рассказывал, – сознался Роман, – когда кольца продавал...

Через минуту Максим вернулся в машину.

– Сознался в убийстве Розы Швец, – сообщил он прокурору, – но очень много вопросов... Какие-то нестыковки. Поехали по этому адресу. По дороге я всё расскажу, а сюда надо наряд вызвать...

– Хрен с ней, с этой Розой... Про Лену что-то узнал? –

оборвал его прокурор.

– Нет. Ничего нового.

Глава 15

– К пропаже Лены он не причастен, – повторил Максим.

– Так какого хрена мы здесь время теряем? – вскрикнул Андрей Алексеевич. – Каждая минута дорога! Послушал я тебя... – он раздражённо взъерошил волосы. – Эх, если бы ты проводил её до дома...

Максим не стал оправдываться. Сейчас ему самому казалось, что во всём виноват только он.

– Лену вся милиция ищет, – попытался он успокоить и себя, и приятеля, – военные, КГБ... Она же дочь прокурора. Ну, ты же знаешь, что есть особый план на этот случай. Мы им всё равно помочь не сможем.

– Они её не найдут, даже если она в центре города будет стоять и флагом махать, – обречённо махнул рукой Андрей Алексеевич. – Потому что всем наплевать. Вся работа для галочки. Только и умеем, что отчёты для начальства писать. Всю ночь впустую проболтались...

– Если хочешь сидеть в своем кабинете, смотреть на телефон и молиться, то езжай домой. Довези меня по адресу и езжай.

– Так и сделаем, – раздраженно ответил прокурор.

Они молча доехали до места. Максим вышел, и машина сразу же уехала.

Максим нажал на кнопку звонка, еле заметную на глухом высоком деревянном заборе, и услышал где-то вдалеке мелодичную трель. Подождав минуту и не услышав никакого ответа, он позвонил ещё. За забором раздались шаркающие звуки.

– Кто там? – услышал он голос Геры.

– Это Максим. Мы вчера в котельной познакомились.

Калитка открылась. Хозяин дома совсем не удивился утреннему гостю или не подал виду.

– Ты из-за бабы, что ли, с утра пораньше примчался? Она мне говорила, что между вами что-то было... – сухо и чуть высокомерно спросил Гера. – Даша ещё вчера уехала. Надеюсь, драться не полезешь?

– Нет, я по делу. Где мы можем поговорить?

Максим подумал, что надо было бы забрать этого парня в прокуратуру. Здесь, у него дома, говорить с ним будет труднее. Но времени не было.

– Меня вообще бабы не интересуют, – Гера повернулся и, не приглашая Максима, направился к дому. – Она шмотки мои продает. Может, надеялась, что я на её красоту клюну и скидку сделаю...

– То есть ты фарцовщик?

– Вроде того.

– А я следователь прокуратуры.

Гера остановился на крыльце, оглянулся и, оглядев Мак-

сима с головы до ног, спросил:

– Так ты ко мне как следователь? – он опять повернулся спиной и зашёл в дом, оставив дверь открытой. – Я смотрю на тебе Levi's пятьсот первый... Их даже в «Берёзке» за чеки не найдешь. За сколько покупал? Может я могу подешевле...

– Не боишься мне предлагать? – усмехнулся Максим.

– Зачем лицемерием заниматься? Ты же эти джинсы не в магазине покупал, а у таких же фарцовщиков. Сам законы нарушаешь... Значит, нет между нами разницы, – заметил Гера.

Из прихожей Гера прошел в большую гостиную и плюхнулся в огромное кресло.

– Мне кажется, ты себя каким то особенным считаешь. Есть с чего? – спросил Максим.

– Ты же не хуже меня всё понимаешь. С людьми же работаешь, – снисходительно улыбнулся Гера. – Большинство живёт только чтобы пожрать и поспать. Утром на работу, вечером хоккей по телику под стопарик водки и тухлые пельмени. В выходные напиваются до одури и бьют друг друга рожи в парке на танцах. От жизни такой становятся озлобленными и завистливыми...

– Ты, естественно, не такой? – оборвал его Максим.

– Я кручусь целыми днями. Как белка в колесе. У меня мозг иногда кипит от напряжения.

– А ради чего? Идея у тебя какая-то есть? Или мечта?

– Идея говоришь... Мечта? – губы у Геры искривились в

злобную усмешку. – Хочется мне, чтобы пришёл хороший хозяин и загнал опять это стадо в стойло. Где ему и место.

– А у тебя-то кто хозяин? – Максиму надоело его слушать. – Не те ли два парня, у которых ты на подхвате бегаешь? Разве не для них ты здесь барахлом торгуешь?

– Вы о ком? – Гера от неожиданности перешел на «вы».

– И если бы только шмотки... – продолжил, не отвечая, Максим. – Скупка краденного, торговля валютой...

– Кто вам сказал? – все высокомерие вмиг слетело с его лица, он сжал пальцами подлокотники кресла и с испугом смотрел на Максима.

– Спрашиваешь, какая между нами разница? Разница в том, что я могу на тебя дело возбудить, а ты на меня нет. Знаешь, что за торговлю валютой у нас высшая мера – смертная казнь? Статья 88 – «бабочка» на вашем языке. Дело Рокотова помнишь или тебе рассказать? Трех, таких же, как ты, расстреляли и не поморщились. Сейчас стране как раз нужен еще один показательный процесс, а то много вас развелось, очень деловых. Это я тебе пока просто как знакомый говорю. А как только мы приедем с тобой в прокуратуру, в твоей жизни включится счетчик обратного отсчета: сколько дней тебе жить осталось. Вот такие дела... Ты же считаешь себя умным – сам всё понимаешь.

Гера встал, подошёл к окну и стал нервно грызть ноготь на указательном пальце. Подумав несколько секунд, он спросил:

– Что я вам должен рассказать?

– Про хозяев своих.

– Не знаю, кто для меня опаснее: вы или они, – нерешительно вздохнул Гера.

– Ты уж сам решай.

– Я про них почти ничего не знаю. Не местные они.

– Из Москвы?

– Нет. Откуда то из Средней Азии. Приехали в Москву учиться. Их родители у себя там шишки первой величины. Баи местные.

– Что же они им денег мало дают, что они вместо учебы спекуляцией занимаются?

– Мало-не мало, но нормальным людям денег всегда не хватает. И ещё они говорят, что социализму скоро конец и надо хорошенько подготовиться. Смеются прямо в лицо: «Мы всю вашу Россию со всем народом купим. Будете нам дань платить. Поэтому деньги нужны».

– Это всё слова. Мне нужно что-то конкретное.

– Вы спрашивайте – я отвечу. Я же не знаю, что вас интересует.

– Они имели дела с убитой Розой Швец. Можешь что-то об этом рассказать?

Гера отошёл от окна. Взял со стола книжку, полистал её и бросил на кресло. Он хотел выглядеть спокойным, но было заметно, как у него тряслись руки.

– Ты же знаешь, кто её убил, – неожиданно сказал Мак-

сим.

– Нет! – вскрикнул Гера. – Я не знаю... Но они были там в ту ночь. А потом я видел у них вещи из её сейфа.

– Какие вещи? Откуда ты знаешь, что они принадлежали убитой?

– Роза с мужем, когда ещё живы были, мечтали на Запад свалить. Поэтому готовились. Продавали иконы и картины, потому что их вывезти из страны нельзя и покупали драгоценности. Собрали целую коллекцию бриллиантов. Кто-то на самом верху про это узнал и захотел получить камушки себе. Продавать Роза наотрез отказывалась... Так вот, эти бриллианты я в тот день у них видел... Они сами хвастались, что важное дело сделали.

– Если они обычные детишки каких-то чиновников, то почему ты их так панически боишься? Разве они способны на что-то серьезное?

– Я вначале тоже так думал... Про себя «тюбетейками» их называл. А месяц назад увидел, как они в багажник девочку мертвую засунули. Кажется, они мне это специально показали, чтобы я боялся и про дела их молчал. Сказали, что она их слушаться не хотела, и они её наказали. Говорили, а сами смеялись...

– Откуда девушка?

– Да не знаю я...

– Где они живут?

– Здесь рядом по улице...

– Телефон у тебя дома есть?

– Нет.

– Беги в котельную... Там Илья на смене... Да неважно кто... Вот телефон прокурора, – схватив со стола газету, Максим быстро записал номер, – звони ему. Если не снимает, то звони 02. Срочно! Пусть присылают наряд к их дому. Срочно, Гера. От этого не только твоя жизнь зависит.

Глава 16

Лена очнулась от холода и боли в плечах. В абсолютной темноте она не могла ничего разглядеть, но поняла, что сидит на земле, а руки, стянутые верёвкой в районе кистей, привязаны к чему-то над её головой.

Девушка вспомнила, как вчера вечером выскочила из электрички с новым, внезапно охватившим её ощущением необъяснимой радости. Как бежала домой, пытаюсь понять, откуда это взялось. А когда поняла, то испугалась: «А не влюбилась ли ты, подруга?» Она остановилась как вкопанная. И в этот момент рядом остановилась машина. Какой-то человек вышел из неё и что-то спросил. Что было дальше, она не помнила.

Лена попробовала встать и, ударившись во что-то головой, упала на колени. От страха, боли и неизвестности хотелось плакать.

«Только не ревь. Не сейчас... не сейчас...»

Поставив одну ногу на ступню, она чуть приподнялась и

подтянулась к верёвке, завязанной на руках. Попробовала подёргать узлы зубами, но быстро устала и опять опустилась на колени.

«Где же я? Кто меня сюда привёз? – она пыталась что-нибудь вспомнить, но всё было бесполезно. – Ладно. Это сейчас неважно. Главное выбраться, а для начала развязать руки».

Лена повторила попытку, и на этот раз ей показалось, что один узел чуть ослаб. Из-под содранной кожи текла приторная кровь, которую она чувствовала губами и языком.

«Сейчас отдохну две минутки, и всё у меня получится, – сказала она себе, – а иначе нельзя. У меня же сын».

Лена сменила опорную ногу, поднялась и стала искать языком тот узел, который, как ей показалось, чуть ослаб от её усилий. Нашупав, она крепко вцепилась в него зубами и почти повисла, пытаясь вытянуть поддающийся изгиб. И у неё получилось: она вытянула этот конец верёвки из узла. Чуть передохнув, так же справилась ещё с двумя.

Освободившись, девушка осторожно ощупала к чему была привязана. Оказалось, что это крутая железная лестница. «Наверное, это какой-то подвал», – решила она.

Лена поднялась на несколько ступенек и, вытянув руки вверх, нащупала над головой крышку деревянного люка. Чуть надавив на неё, поняла, что люк можно открыть. Она остановилась и прислушалась. Наверху было тихо. «А какие у тебя ещё варианты?» – спросила пленница саму себя и начала отодвигать люк.

Выбравшись, Лена оказалась в небольшом гараже. Под потолком было единственное окно и то с железной решёткой. Она подошла к воротам. Изнутри замок нельзя было открыть: с обеих сторон он закрывался только ключом. Лена подбежала к окну. Подставив какую-то канистру, схватилась руками за решётку. Подтянувшись, она увидела за деревьями несколько деревянных домов.

«Какой-то посёлок. Значит рядом люди, которые могут помочь... Хотя...» Она понимала, что шанс, что её услышат и спасут очень маленький, но другого выхода не было. «Если нельзя открыть ворота изнутри, то надо сделать так, чтобы их нельзя было открыть и снаружи».

Лена прыгнула с канистры и подбежала к воротам. Осмотрев замок, она оглянулась и увидела ящик с инструментами. «Вот это мне и надо!»

Найти несколько небольших гвоздей не составило труда. Лена засунула их в замочную скважину. «Пусть теперь попробуют открыть».

Она несколько секунд постояла в нерешительности, потом взяла молоток, опять встала на канистру, разбила стекло и закричала.

Акмал Батаев спал у открытого окна и поэтому сразу услышал, как кто-то кричит: «Помогите!» После вчерашней пьянки голова соображала плохо. Поэтому он не сразу понял, что кричат из их гаража. Понадобилось время, чтобы он

вспомнил вчерашний день.

Чертыхнувшись по-русски, Акмал вскочил на ноги и тут же опять сел на кровать. Голова так закружилась, что вся мебель в комнате мелькала вокруг него как карусель. Он не удержался и его стошнило прямо на пол.

Крики не прекращались. Акмал вытер ладонью губы и, покачиваясь, вышел из комнаты, чтобы найти своего приятеля Захира Довлетбаева.

Два года назад они приехали в Москву поступать в институт. Для поддержки и решения возможных вопросов их сопровождал министр образования Таджикистана. Поэтому на экзаменах проблем не было. А вот то, что случилось после зачисления, для них было шоком.

Акмал, невысокий полненький с круглой большой головой, был сыном секретаря ЦК компартии Таджикистана. Отец его приятеля и родственника по матери – высокого крепкого парня тугодума Захира Довлетбаева – возглавлял республиканское МВД. По вековым местным традициям, с которыми советская власть ничего сделать не могла, у себя в республике они чувствовали себя хозяевами. В школу их возили на персональных машинах личные водители. Учителя ставили оценки, никогда не проверяя знания. А главное, все в школе – девочки и мальчики – без сомнений признавали их превосходство. Ребята считали за честь выполнить любую их просьбу, а девочки с радостью принимали нескромные знаки внимания.

В институте всё было по-другому. Никто и не думал признавать их авторитет. Скорее, наоборот, с первых дней все вокруг давали понять, что Акмал и Захир приехали из какого-то дальнего отсталого региона и в лучшем случае могут рассчитывать на покровительственное похлопывание по плечу. Девочки вообще не смотрели в их сторону. Попытки познакомиться пресекались с нескрываемым презрением.

Шансов изменить мнение окружающих в лучшую сторону у них не было. Знаний не было почти никаких, как и желания их получить. Учителя, хотя и ставили им положительные оценки, добавляли: «С такими знаниями вам овец пасти надо».

Тогда приятели решили, что деньги всё исправят. С детства им внушили, что на деньги можно купить всё: дружбу, уважение, любовь. Поэтому, благодаря поддержке из дома, они занялись спекуляцией, скупкой и продажей драгоценностей и валюты. Зимой жили в большой квартире на Кутузовском проспекте, а летом приезжали сюда в Кратово.

Здесь у них и появилось новое развлечение. Заодно и способ отомстить за свои унижения.

Акмал нашёл приятеля крепко спящим в соседней комнате. Разбудил его и, ничего не объясняя, потащил за руку на улицу к гаражу.

В утренней тишине дачного поселка крики о помощи было слышно издалека. У ворот Акмал вспомнил про ключ от гаража.

– Беги назад. Там, на столе, – он толкнул Захира в сторону дома, а сам подошёл к окну в гараже.

– Что ты кричишь? – он нервно огляделся, думая, как заставить замолчать пленницу. – Сейчас мы откроем ворота и всё тебе объясним.

У стены лежал садовый инструмент, оставленный строителями, которые недавно ремонтировали фундамент. Акмал взял лопату, примериваясь, можно ли отсюда ударить девушку, чтобы заставить замолчать. Но мешала решётка. Он со злостью воткнул её в землю.

На крыльце показался Захир и демонстративно развел руки в сторону, показывая, что ключей не нашёл.

«Идиот, ничего сам сделать не может!» – выругался Акмал и побежал обратно в дом.

Ключи, как он и говорил, лежали на столе в прихожей. Он их схватил и, зло посмотрев на приятеля, опять помчался к гаражу, откуда продолжали нестись крики о помощи.

– Сейчас я тебе устрою... Ты у меня не так завизжишь, только никто тебя не услышит, – зло приговаривал он, пытаясь вставить ключ в замок.

– Попробуй ты, у меня не получается, – он отошёл от ворот, пропуская к замку приятеля.

Тот двумя руками схватился за торчащий ключ, и через пару секунд у него в пальцах осталась головка, а из замочной скважины торчал отломанный кончик.

– Ты что наделал? – взвизгнул Акмал. – Теперь эта стерва

всех здесь разбудит.

Захир не отвечая скрылся за углом гаража и через мгновение вернулся со строительным ломом. Несколько раз ударив им в кирпичную кладку около петли, он смог засунуть его в образовавшуюся щель.

– Давай вместе, – понял Акмал его замысел.

Они вдвоём навалились на лом, крепёж не выдержал и ворота с этого края оторвались от стены. Они вдвоём оттянули край ворот насколько смогли.

Первым в гараж влез маленький Акмал. Но подойти к девушке он побоялся. Лена стояла в углу, держа в руках молоток и готовая в любой момент применить его как орудие самообороны. Следом за приятелем пробрался в гараж Захир. Отодвинув испугавшегося Акмала с дороги, он резко выхватил левой рукой у девушки молоток, а правой ударил её так, что она упала, опять потеряв сознание.

Второй раз за это утро Лена очнулась привязанной к лестнице. Только теперь её привели в чувство, плеснув в лицо водой.

– Очень жаль, но с этой позабавиться не получится, – услышала она голос где-то над собой. – Надо её быстрее увозить отсюда. А самим сваливать.

На этот раз в подвале было светлее. Она посмотрела наверх. У открытого люка стояли два парня.

– Вы знаете, с кем связались? – крикнула она. – Я дочь прокурора района! У вас нет ни одного шанса скрыться!

– Ты разве не из общаги? – удивился Акмал.

– Какой общаги? Я местная, живу с ней рядом. Не хотите в тюрьму – немедленно меня развяжите и отпустите.

Акмал с Захиром растерялись. До этого они похищали только девушек из общежития, надеясь, что их никто не будет искать. А эта оказалась домашней, да ещё, если не врёт, дочкой прокурора. У них в республике девушка такого положения считалась неприкосновенной. За её оскорбление даже судить бы не стали, а просто закопали бы в ближайших горах. И скрыться от возмездия было бы невозможно.

– Ты же всё равно расскажешь, где была, так что какая нам разница? – неуверенно ответил Акмал. – А может, ты вообще всё врешь...

– Пока вы мне много вреда не нанесли, есть шанс отделаться условным наказанием... Ну, или маленьким сроком.

Акмал махнул головой Захиру и они вышли из гаража, чтобы посоветоваться.

– Что делать будем, Захир?

– Не знаю. Ты же командир.

– Если бы ты вчера с хлороформом не переборщил, мы бы ещё ночью с ней позабавились, как хотели, и давно бы закопали, – с раздражением прошипел Акмал. – А теперь она разбудила всех соседей, и кто-нибудь уже мог в милицию позвонить, – он злобно, но растерянно озирался по сторонам. – Вечно ты остановиться не можешь. Зачем ты тогда эту Розу трахнул? Ладно бы, когда она ещё живая была, а не после

того, как задушил. А если бы этот идиот пьяный очнулся?

– Давай я прикончу эту девку. Тело отвезём в карьер к остальным, – наконец заговорил Захир, – пока никто сюда не приехал. И сразу домой улетим. Там нас никто не достанет.

– Тебе бы только кого-нибудь прикончить, – раздраженно выкрикнул Акмал. – Тащи её сюда. Здесь решим.

Максим стоял от них в нескольких метрах, прислонившись спиной к забору. Он всё слышал. Но не знал, что предпринять. Ясно было одно: времени у него несколько секунд.

Рядом с ним у ворот стояли те самые тёмные «Жигули». Он в несколько шагов подбежал к автомобилю.

«Идея, конечно, сомнительная, но другой нет», – решил он.

Максим надавил пальцами на край крышки бензобака и она открылась. Быстро открутив пластиковую пробку, он засунул в горловину бензобака свой носовой платок.

«Так хотя бы не уедут, – подумал он. – А если Гера не вызвал милицию, то приедут пожарные».

Выдохнув, чиркнул спичкой и поджег торчащий конец платка.

Через пару секунд он уже барабанил в калитку.

– Откройте! У вас машина горит!

То, что дверь откроют, Максим почему-то не ожидал. Его план так далеко не заходил. Поэтому, когда он увидел в проёме открывшейся калитки маленького злого Акмала, то, не раздумывая, схватил его за шиворот и несколько раз ударил

по лицу, стараясь попасть в большой крючковатый нос. После трёх ударов он понял, что противник уже не опасен.

Максим оглянулся, и перед тем как упасть, успел увидеть, что огромный мужик, который до этого держал Лёну, уже замахнулся, и увернуться от его огромного кулака не получится. От мощного удара он тут же рухнул как подкошенный и сразу получил несколько сильных пинков по голове и по животу. Он сжался в комок и закрыл руками голову, но удары вдруг прекратились, и рядом упало на землю что-то тяжелое. Максим осторожно огляделся. Парень без чувств лежал рядом с ним. Чуть сбоку стояла Лёна с большим ломом в руках.

В этот момент за забором прогремел взрыв и вверх взметнулся столб огня. Максим заметил, как покачиваясь, скрылся за калиткой парень, которому он разбил нос, но ему было уже наплевать.

Глава 17

Максим стоял у окна в своем кабинете и смотрел, как во дворе, поднимая пыль, гоняют мяч несколько пацанов.

Всю сегодняшнюю ночь он носился по Кратово, помогая другу найти любимую дочь. Но сейчас, днём, когда всё было позади, Максим почувствовал, что за эти несколько часов в нём что-то изменилось. Он вспоминал, как осторожно мелькнули озорные искорки в глазах Лёны, когда они встретились в котельной, и как горела в них неудержимая ярость, когда она разmozжила голову здоровому таджику. Девушка,

которую он почти не знал, заняла все его мысли. И вернула желание радоваться жизни без всякого повода.

Андрей Алексеевич вошёл без стука.

– Лене сделали укол, она уснула. Врач сказал, что с ней всё хорошо... – прокурор устало сел на место Максима и поставил на стол бутылку коньяка. – Я теперь твой должник на всю жизнь.

– Да брось ты...

– И ещё... Извини меня, что я там...

– Хватит, Андрей, – Максим отошёл от окна. – Если бы не Лена, меня бы забили до смерти.

– Давай выпьем за тебя, за Лену и за то, что всё хорошо кончилось. Второго, кстати, пока так и не поймали.

– Наливай... Только закуски нет.

– И не надо.

Коньяк мгновенно обжёг пустой желудок.

– Наливай ещё, – попросил Андрей. – Мне доктор укольчик не сделал, сказал, чтобы я успокаивался другими способами, – усмехнулся он. – Вот я... И тебе надо. Я же вижу... Всё вижу, Максим... Всю эту твою любовь-морковь... И понимаю, как она тебя измотала...

Он поднял налитую рюмку, они чокнулись и выпили. Андрей Алексеевич несколько раз махнул рукой, показывая Максиму, что надо налить ещё.

– Ты извини, что я вмешиваюсь, но есть такие бабы, – он поморщился, то ли от коньяка, то ли от воспоминаний, – ко-

торые из кожи вылезут, чтобы мужика подмять. А как только они этого добиваются, то им становится скучно и они сразу лезут ему на плечи и оттуда палкой подгоняют. А сами сверху... с шеи... ищут себе другого. Получше, побогаче и с хреном потолще... Так всю жизнь остановиться не могут...

Прокурор посмотрел на Максима.

– Понимаешь, о ком я говорю? – спросил он. – Тебе надо семью... а не это...

– Зря ты так... – тихо ответил Максим, – Тая добрая.

Андрей Алексеевич будто ждал этих слов и распалился ещё больше.

– Добрая? – он опять поднял рюмку. – Была бы добрая, дождалась бы из армии, а не выскочила за богатенького... У меня первая жена была такая же «добрая». Никому отказать не могла. Весь двор у меня за спиной смеялся. Вот что я тебе скажу – для жены не главное: добрая или злая, красивая или страшная. Для жены главное, чтобы умная. Тогда и всё остальное приложится... А красивых и добрых и без жены хватит, если вдруг понадобится...

Он выпил и с шумом встал.

– Я домой. А то сейчас здесь упаду. А ты послушай меня... Семья для мужика главное... Без семьи ты как без корней... Завянешь рано или поздно.

Прокурор ушёл. Максим налил полную рюмку из оставленной бутылки. Подвинул к себе телефон и набрал номер Даши.

– Алло. Слушаю вас, – услышал он её всегда приветливый голос и повесил трубку.

– Красивых и добрых действительно хватает, – сказал он сам себе и выпил.